

Роскошным
стервам
большого
города

АРИНА

Холкина

Галерея
мужских
пороков

Арина Холина

Галерея мужских пороков

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176752
Галерея мужских пороков: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-21002-2*

Аннотация

Новый год в Куршавеле, модный сезон в Париже, Милане, Лондоне и Нью-Йорке, майские праздники в Монако, каникулы на Карибах, 90 % скидки в магазинах дизайнерской одежды, лучшие вечеринки и дружба со знаменитостями... Все включено, и все бесплатно, если ты – главный редактор самого модного журнала для женщин!..

Алиса Трейман, ощущает себя звездой, – миллионы девушек мечтают оказаться на ее месте, – пока не узнает, что она ведьма. К тому же глупая и неопытная, умудрившаяся влипнуть в историю. С этого момента ее жизнь перевернулась на 360 градусов. Алисе приходится все начинать с нуля. Снова доказывать – она чего-то стоит в этом мире...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	36
Глава 4	49
Глава 5	61
Глава 6	75
Глава 7	89
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Арина Холина

Галерея мужских пороков

Глава 1

– А еще он мне сказал, что я капризная, вздорная, двинутая на всю голову стерва, у которой нет ни стыда, ни совести, ни элементарной ответственности! – Марьяна стукнула о стол стаканом с морковным соком и прикурила новую сигарету.

– За это мы тебя и любим, детка! – расхохоталась Алиса и подлила подруге вина.

– Ну, я не знаю, может, научиться готовить какой-нибудь там борщ и попробовать меньше пить? – с кислой миной пробурчала Марьяна. – Есть же эта, как ее... ну... Молоховец!

– Послушай, дорогая, если ты решила склеить личную жизнь с помощью сумасшедшей бабы, которая рекомендует три дня настаивать свекольный квас... – начала было Фая, но Марьяна, разумеется, ее перебила:

– Кого куда настаивать? – воскликнула она.

– Квас свекольный! – рявкнула Фая. – Мне тут домработница втирала, что не умеют сейчас варить настоящий борщ!

– Да ну к черту! – отмахнулась Марьяна. – Проще разве-

стись.

– Слушай, что-то я запуталась, с кем ты на этот раз собираешься разводиться? – уточнила Алиса.

Из них троих Марьяна была самой отчаянной. Ее личная жизнь представляла собой настолько сложную и запутанную схему, по сравнению с которой самые прогрессивные нанотехнологии казались детским конструктором.

Давным-давно Марьяна развелась с богатым мужем и вышла замуж за никому не известного бедного музыканта. От скромной, но беззаботной жизни Марьяна получала невероятное удовольствие: однажды она со своим музыкантом уехала на месяц в Таиланд, где они тридцать дней тратили тысячу долларов, жили на берегу в дешевом бунгало и только что сами рыбу не ловили, а где-то в океане, в пределах видимости, маячил остров с очень дорогим отелем, где она когда-то отдыхала с первым мужем. Марьяна рассказывала, что, когда она лежала в шезлонге, в компании своего и других богатых мужей и их расфуфыренных жен, они смотрели вдаль, на людишек, поселившихся в бунгало по пять долларов в сутки, и насмехались над этим плебсом, а сейчас она разглядывала островок с избалованной публикой и не понимала, как можно жить в этом золотом карцере, среди скучных, пафосных и вечно чем-то озабоченных людей.

А спустя пару лет музыкант стал суперзвездой. Марьяна родила ему двоих детей и влюбилась в некоего актера. Ушла от музыканта, но актер ей через год надоел, и она ка-

ким-то образом снова оказалась со своей суперзвездой. В итоге она уже три раза от него уходила, музыкант встречался с какими-то женщинами, Марьяна расставалась с очередным увлечением, они опять сходились... Но кроме того, на Кипре, куда она каждое лето ездила отдыхать с детьми и няней, у нее был постоянный летний любовник – англичанин-серфингист, с которым она снова и снова начинала бурный курортный роман.

Алиса все никак не могла понять, как Марьяша выкручивается, как она делит свое внимание между всеми своими любовниками и почему они не хотят друг друга убить.

Был у Марьяны странный талант – оставаться милой, нежной, обаятельной и светлой, несмотря на разгул. Она никогда не позволяла себе просто переспать с мужчиной – каждый раз с ней случалась любовь всей ее жизни, и она верила, что прошлое, настоящее и будущее сошлись в одной точке, чтобы она встретила именно с этим человеком. И всякий раз это были отношения – с нежностью, с душевной близостью, с ревностью и переживаниями.

Зато Фая меняла любовников каждые два месяца. Она просыпалась в одно прекрасное утро и понимала, что больше не может видеть этого человека – ей с ним скучно, и просто выставяла бедолагу за дверь с невразумительными пояснениями.

Алиса же недавно переехала в дом молодого человека, с которым ей в это время года было очень удобно – она делала

карьеру, и ей нужен был мужчина со здоровой психикой, без вредных заскоков, приученный к домработнице и кухарке.

Марьяне первый муж оставил ресторан – теперь ресторанов было три, а скоро будет пять, и Марьяна могла ни о чем не беспокоиться – кроме санэпидемстанции.

Фая же владела сетью магазинов итальянской одежды – и умудрилась так устроиться, что управляющие у нее были честные, ответственные и трудолюбивые – наверное, единственные такие порядочные управляющие в городе. У Фаи была своя особенность – она умудрялась встречать правильных людей. Она почти ничего не делала сама – разве что ездила в Италию закупать одежду, но дела шли, и все только удивлялись, как это у нее так получается.

Марьяна пахала как лошадь. Алиса пропадала на работе.

А Фая просыпалась в час дня с очередным бездельником, ехала в салон красоты мыть голову и балбесничала до вечера – пока не наставала пора одеваться на вечеринку.

Отец у Фаи был из Непала, мама – еврейка. Двадцать лет назад мать развелась с отцом, вернулась в Москву, к облегчению родственников вышла замуж за правоверного, а десять лет назад правоверный встретил угашенную в дым Фаю в пять часов утра на пороге их квартиры на Остоженке, сгреб ее в охапку, перевез на Сухаревскую, сообщил, что купил ей квартиру и видеть ее больше не желает. Фая поскандалила, продала квартиру, переехала в студию, привезла из Италии баул «Армани» прошлогоднего разлива, а через год открыла

магазин. На следующий магазин – на этот раз с дизайнерской отделкой и рекламой по всему городу – денег дал отчим – Фая показала ему такой бизнес-план, что папочка долго терзал мамочку, нет ли у Фаи сестры-близняшки. Но ему пришлось смириться с тем, что в лице одной падчерицы представлены два персонажа – разгильдяйка, балбеска, светская львица и хваткая спекулянтка.

Марьяна с Алисой всегда ей тайно завидовали – они изумлялись легкости, с которой Фая устраивала свою жизнь, не жертвуя ничем, не отказываясь ни от денег, ни от удовольствий.

Впрочем, грех жаловаться – у Алисы была отличная работа.

Правда, при мысли о работе Алису перекосило. И на солнце есть пятна, а у Алисы – проблемы.

Точнее, одна проблема весом в семьдесят кило, с грудью, как у Памелы Андерсон – только своей собственной, родной, и ляжками, как бревна. Второй, мать ее, главный редактор. Она же корова. Она же бегемот. Она же сиськи – но только в узком кругу.

Это несправедливо. Чудовищно несправедливо.

Потому что у Алисы, несмотря на мнение окружающих, все-таки были идеалы – и первое место среди них занимала романтическая мечта о том, что в этой жизни людям воздается по заслугам – их собственным.

Но папа у бегемота был настолько важной шишкой, что

на его капиталах могли паразитировать еще три поколения лоботрясов.

Это была ненависть с первого взгляда. Как только Оля вошла в аудиторию, кто-то нашептал Алисе: «А ты знаешь, кто у нее папа?» Алиса взглянула на флегматичную полную девушку с огромной грудью в модном топе – казалось, Оля спит на ходу, такая она вся была томная и медленная, – и решила, что кто бы у нее ни был папа – ей это не поможет. И ошиблась.

Потому что кроме папы у Оли все-таки присутствовал бюст шестого размера – а на первокурсников мужского пола такие вещи производят неизгладимое впечатление. Ну, и, если уж совсем честно, хоть и скрипя душой, Ольга была не урод.

Милая, да. Карие глаза под полуопущенными веками, гладкая бархатистая кожа, нежные губы, аккуратный нос. Ничего особенного, но... милая.

И ей всегда все доставалось за так. Все хотели ездить на выходные в загородный дом ее отца. Все хотели пользоваться его связями. Все хотели зажигать с золотой молодежью. И все мальчики хотели увидеть ее грудь без лифчика.

Вокруг Оли всегда была какая-то суета, а ей словно было лень обратить на это внимание. Она даже не замечала, когда ей дерзили – а девочки этим увлекались. Алисе хватило ума не опуститься до хамства – из гордости, только из гордости, но если бы ей кто-нибудь пообещал, что можно вцепиться

Оле в волосы и впечатать ее головой в стену – и ничего за это не будет... Э-эх...

– Да и зачем мне Молоховец, если мой ресторан напротив дома? – рассуждала Марьяна. – Ухожу я от Миши! – Она ответила на взгляд Алисы, которая закатила глаза, посетовав на то, что ее вопрос остался без внимания.

Миша был странной любовью Марьяны, от которой она не могла избавиться уже второй год. Постоянный возлюбленный, знаменитый музыкальный продюсер, беспокоился, появлялся на публике с молодыми звездами, но Марьяна упорствовала. Продюсер, Ваня, поначалу бунтовал, но вскоре привык к тому, что он вроде женат, а вроде и не очень. С Марьяной он дружил, завел с ней двух детей, с удовольствием жил с ней в перерывах между ее любовниками и его пассиями и за одиннадцать лет как-то сам по себе выучился через определенный срок расставаться со своими моделями – певичками-стриптизершами. С серьезными женщинами он не связывался – у него была Марьяна. Но на этот раз все было странно: Миша, хирург в муниципальной больнице, произвел на Марьяну неизгладимое впечатление своей профессией, умением читать стихи – «Он та-ак читает стихи, что даже совсем не противно и не хочется ковырять в носу!» – и приступами депрессии, когда Миша лежал на диване и мучил Марьяну. Он просто лежал, матерился, орал на нее, курил и пил дешевый бренди. Еще он не брился и не мылся. Отчего-то Марьяна от этого была в невероятном восторге –

хоть и не показывала. Но она уже три раза не ушла от Миши – «потому что ему сейчас плохо», и, казалось, конца и края этому не будет.

– Ты серьезно? – поинтересовалась Фая.

– Знаешь... – Марьяна задумалась. – Он прожег мой белый кожаный диван.

Фая с Алисой ждали продолжения.

– И все? – наконец спросила Алиса.

– Ну, да... – Марьяна с удивлением посмотрела на них. – А что может быть хуже?

Подружки расхохотались.

– Все! Уехал к себе в Текстильщики, – сообщила Марьяна. – Пусть там жжет диваны! – добавила она со злостью. – Он-то уехал, а мне с этим диваном жить! И что мне теперь делать?! Чего ржете? Диван стоит пять тысяч долларов!

В прошлый раз Марьяна нянчилась с художником, с которым познакомилась в расцвете его недолгой славы. Была выставка, были заказы, были поездки на Бали, а потом у него случилось какое-то умопомрачение – позвонил заказчик и был им послан в нелестных для него выражениях. Художник объяснял, что не может продавать свои картины жлобам, которые покупают их потому, что он – модный. Он хочет, чтобы его ценили осмысленно, и, вообще, если хорошо подумать, то любое произведение искусства – бесценно. Картины – его дети, а как он может торговать детьми?

Художник пил – сначала коньяк, потом ром, потом брен-

ди, потом водку, гонялся за Марьяной с ножом – дети с няней жили на даче, каялся, рыдал, бил за нее кому-то морду, но вскоре совсем ополоумел, и к возвращению детей Марьяна его выпроводила – на посошок он порезал ножом кожаный диван цвета слоновой кости.

– Кажется, тебе стоит перейти на ИКЕА, – посоветовала Файка. – Или изменить формат любовников.

Алиса смотрела на своих девочек, на лучших подружек, на раздолбаек и эгоисток, от которых она не ждала ничего хорошего. Она знала, если сам себе не поможешь, никто тебе не поможет, и потом, когда со слезами, которые отчего-то относят к старческой сентиментальности, будешь смотреть на подернутые прошлым фотографии, на которых останутся эти веселые стервы, полные жизни, готовые совершить тысячи безумств, то не будешь жалеть, что не они поднесут тебе стакан воды, когда ты зайдешься в предсмертном кашле. Пусть их не будет рядом, когда тебя не станет, но они с тобой, пока ты жива – и благодаря им короткий век человека кажется тебе бесконечными каникулами.

Они были испорченные, избалованные, сумасбродные, но они были живые – как теплое Эгейское море, когда оно накатывает прозрачными волнами на песчаный пляж, живыми, как капризный летний ветер, что треплет листву, живыми, как дождь, который высыпается из черной тучи – в них было нечто настолько естественное, природное, что им прощали любые глупости, подлости и откровенное свинство, пото-

му что рядом с ними взрослые, серьезные люди, озабоченные взрослыми, серьезными проблемами, вспоминали, что такое детство, что такое удовольствие без истерики на тему разрядившегося мобильного, что такое настоящий, стопроцентный кайф.

А как они сидели в шесть утра в парижском кафе, после клуба, и у всех от шампанского голова рассыпалась на части, и забавный официант с похотливыми глазами принес «нуро-фен», а потом они пили кофе с круассанами, и маслом, и джемом, и пахло свежей выпечкой, и арабикой, и жизнь была такой замечательной, и круассаны – лучшими в мире, и у них просто случилась истерика, от того, как все здорово, – они хохотали над каким-то анекдотом, над которым после никто никогда не смеялся – видимо, анекдот был тупой, и все на них оборачивались и улыбались им, потому что было хо-ро-шо!

А как они любили просыпаться в обществе случайных любовников – красивых молодых людей, которые были сражены их жизнерадостностью! Просыпаться, когда жаркое южное солнце где-нибудь на Крите уже просочилось сквозь занавески, и впереди новый день с новыми приключениями, и твой любовник такой горячий – просто от солнца, и все еще любимый, и ты знать не знаешь, и знать не желаешь, чем он там, в другой жизни, занимается, ты помнишь лишь, как тебя ошарашила страсть, как тебе его захотелось до помутнения рассудка, и этот восторг, и экстаз от одних лишь при-

косновений, и губы в кровь, и какое-то звериное желание, и все это – любовь, от которой ты задыхаешься, и такое упоение оттого, что ты и он – вы вместе только сейчас, и никаких ожиданий, никаких совместных планов и забот – лишь солнечные блики на воде, пространство иллюзий, желаний и смутных надежд, от которых вскипает кровь, тянет под ложечкой и кружится голова...

Алиса сверху вниз смотрела на людей, которые с тоской вспоминали молодые годы – все это пошлость: «Ах, как мы сидели на бульваре, пили портвейн и спорили до хрипоты...» Они умерли. Что-то с ними случилось. Кто-то их подло обманул, убедив, что, как только ты минувешь рубеж полового созревания, жизнь превращается в скучнейшую рутину, в театр военных действий, где в партере зарезервированы места для ответственности, практичности, солидности, где легкомыслие, страсть к авантюрам и истерическая жажда удовольствий прячутся на галерке, весело улюлюкая и нарушая покой почтенной публики. Они дорого – собственным счастьем заплатили за удобства и привилегии.

Именно поэтому ненависть к Оле нельзя было списать на обычную зависть – тут было нечто глубокое, что Алиса и сама не осмыслила. Она вообще не понимала, как Оля живет, что ее вынуждает каждый день открывать глаза, вставать с кровати и ехать на работу. Ей следовало выйти замуж, нарожать детей и всех их кормить-поить, стать клушей – наседкой, толстой и счастливой.

Какой из нее редактор глянцевого журнала, если для Оли самое яркое драматическое переживание – что взять на обед: грибную лапшу или борщ?

В «Глянец» они устроились вместе. Случайно. Алиса была уверена, что Оля с ее штампованным языком, вялым слогом, блеклым повествованием провалится на собеседовании, но владелец издания был знаком с ее отцом, и Олю приняли в штат. Алиса по ночам писала статьи, гордилась ими, переживала, расстраивалась, если кто-то написал лучше – а Оля выжимала из себя по фразе в неделю, с каким-то совершенно отмороженным видом торчала перед компьютером, а в итоге сдавала весь такой ути-пути текст, где одна банальность наступала на пятки другой.

Она не была бездарной. Она была равнодушной. Где-то внутри у нее теплился интерес к жизни, к работе, к молодым людям, но огонек был такой слабый, что от него едва ли можно было прикурить сигарету.

– Девки, вы будете десерт? – спросила Фая.

– Много-много десерта, – кивнула Марьяна.

– Морковный торт, – сообщила Алиса.

Облакам, заслонявшим солнце, вдруг надоело их неблагодарное занятие, и они разбредились кто куда – небо из бледно-серого неожиданно превратилось в голубое, теплые осенние лучи упали на столик, заиграли на серебристой вазочке с цветами и ударили в глаза. Алиса прищурилась и полезла в сумку за очками. Каждый раз это было мгновением острого

наслаждения – почти физического: новая серо-голубая сумка от «Марк Джейкобс» – большая и модная, с крупной фурнитурой. Очки от «Гуччи» с дымчатыми серыми стеклами. Алиса считала людей, которые не понимают красоты и ценности хороших вещей, идиотами. Стыдно, видите ли, жить в обществе потребления, уделять столько внимания материальным ценностям! Если бы у вас лет в четырнадцать были сапоги-луноходы, доставшиеся от чужих детей, одна-единственная вельветовая юбка и ужасная черная сумка из плащовки, вы бы не так заговорили!

Взрослая, ухоженная, стильная Алиса отлично помнила, что переживала Алиса-подросток. Она считала себя нелепым уродцем в этих заношенных сапогах; испытывала ужас, что следующим летом придется носить старые немодные туфли, на которых потрескался лак; чувствовала, что выглядит, как старуха-бомжиха. Она смотрела на девочек в стильных кроссовках, на девочек в модных джинсах, на девочек с яркими рюкзаками, которые были так довольны собой, так уверенны, так неоправданно счастливы, что ей хотелось стать невидимой, оказаться дома, залезть под кровать и там умереть, потому что жить, если твоя молодость прячется в драповом пальто с жутким воротником из мутона, нет никакого смысла.

Мамина подруга-стюардесса привозила журналы мод, и Алиса с замиранием сердца разглядывала высоких стройных женщин с шелковистой кожей, немыслимые наряды, чьи-то

дома, в которых стояла удивительная мебель... Все было настолько восхитительно, что невозможно было не мечтать, не видеть себя вот в таком вот кресле красного дерева, в этом белом пончо из шерсти ламы, в тоненьких серебристых босоножках, каблуки которых упираются в выложенный мозаикой пол...

Она представляла, как просыпается в этом белом особняке на горе, из окна пахнет соснами, и особенным, необыкновенно терпким южным соцветием, и йодом, и солью!.. И ленивый, сонный утренний ветерок колышет занавески, и тебе уже хочется жить, бежать, потому что впереди столько всего важного и интересного – завтрак, пляж, волны... В прохладном шелковом кимоно ты выходишь на террасу, и горничная несет кофе, и булочку, и сливочное масло, и ты все это уплетаешь со здоровым аппетитом, потому что толстеют где-то далеко – не здесь, и благоухают цветы, и ты медленно спускаешься к морю, которое пока только твое – ни яхтсменов, ни серфингистов, ни дамочек, что умасливают тела средствами для загара, поглядывая на атлетически сложенных красавчиков... Кимоно падает на песок, и все твое голое тело дышит, разбегаешься – и прыгаешь на волну, обнимаешь море, которое играет с тобой, как со щенком – гладит, треплет за загривок, вышвыривает, – а ты снова и снова бросаешься на него в упоительном восторге...

Весь мир только для тебя.

Это был ее Космос, ее Тридесятое Царство, ее Средизе-

мье.

Она всегда знала, что будет писать в такие журналы. Будет частью этой удивительной жизни. И когда появился первый в Москве «Глянец», Алиса поклялась себе, что сделает все – вплоть до убийства, чтобы туда попасть.

Глава 2

– А что произошло с морковным тортом? – поинтересовалась Алиса у официантки, которая заявила, что лишает ее любимого десерта.

Официантка пожала плечами. Алиса вышла из себя. Не то чтобы у нее была склонность самоутверждаться за счет услуги, но она ненавидела, когда люди демонстрируют, как им наплевать на их работу. Иди в другое место, киса! Ночным сторожем! Она, Алиса, хочет морковный торт – и уж по крайней мере имеет право знать, что происходит!

– Весь съели? – уточнила она.

– Наверное, – официантка пожала плечами.

– Может, вы узнаете поточнее, потому что я без морковного торта буду чувствовать себя несчастной, – отрезала Алиса. – Надо подождать, я подожду – если его готовят.

Это было довольно дорогое кафе, где всегда был морковный торт – не могло не быть, потому что клиента здесь почтили и ублажали. Алиса подозревала – торт либо пекут, либо только что испекли, либо испекут – чтобы никто не ушел с ощущением, будто его обманули. Обычно так оно и бывало – пока не явилась эта хмурая официантка, которая явно считала, что делает огромное одолжение обществу, обслуживая людей, способных потратить на обед полторы тысячи рублей.

Официантка ушла, и пропала надолго. Когда она, нако-

нец, вернулась, то принесла чай, мороженое Марьяне и тирамису Фае.

– А морковный торт? – напомнила Алиса.

– Его нет, – повторила официантка.

– Девушка! – позвала ее Алиса. – Это что, протест? Сегодня международный день хамства клиентам или вы принципиально против чаевых?

– Могу позвать менеджера, – вяло ответила девица.

– Послушайте, если вы решили уволиться, или у вас проблемы с бойфрендом, я категорически отказываюсь выступать как мишень вашего дурного настроения. Немедленно сюда менеджера, и не смейте к нам приближаться! – рявкнула Алиса.

Фая и Марьяна не обратили на сцену ни малейшего внимания. Они уже знали, как заклинивает Алису, когда ее раздражает окружающий мир. Однажды она устроила скандал в банке, потому что там банкоматы выдавали только от тысячи рублей – а Алисе нужно было снять сто рублей на сигареты.

– В чем разница-то? – поинтересовалась Марьяна, когда они вышли из банка.

– Разница в том, что меня, по неинтересной мне причине, лишают выбора, – огрызнулась Алиса, которая все еще пребывала в бешенстве. – Мы же не в Северной Корее живем!..

Пришла менеджер, Алиса выразила неудовольствие, менеджер приставила к ним другую официантку, морковный пирог ей принесли, но есть его пришлось в одиночестве –

Марьяна унеслась в ресторан, где что-то случилось, а Фая поехала на массаж.

Алиса любила подруг, но и умела наслаждаться обществом самой себя. Ее все еще удивляло, что сидит она, Алиса Трейман, в стильном кожаном бомбере, в джинсах от «Настоящей Религии», в туфлях за пять сотен – в модном кафе и ни в чем себе не отказывает.

Алиса мельком взглянула на соседку – унылую девицу в сером костюме и простеньких сиреневых лодочках – такую офисную клушу, проникшуюся корпоративной культурой, и уловила в ее глазах зависть. Не какую-то особенную, а самую обычную женскую зависть – такую, что испытывает любая девушка, когда против своей воли сталкивается с более модной, красивой, уверенной в себе конкуренткой. Конкуренткой – потому что это очень важно, на кого смотрят случайные мужчины в кафе (на улице, в спортзале) – на тебя или на стерву, которая самым бессовестным образом эксплуатирует собственную сексуальность.

Есть даже особая гримаса – хмурое лицо с выражением: «наверняка она спит со старым, лысым, горбатым извращенцем», и взгляд исподлобья.

Это комплимент. Потому что одобрение, восхищение – это одно, а вот столь очевидная ревность – это, ребята, победа.

Так уж устроен мир: зависть – индикатор успеха. Если тебя одобряют, значит, ты либо ничего особенного собой не

представляешь, либо уже вошел в историю. Но пока ты на коне, пока ты угроза, тебя ненавидят. Если о тебе распускают сплетни, пишут гадости, радуются твоим промахам – ты со щитом. Это жестоко. Но это жизнь.

Алиса вспомнила Николину Горю, где они жили с матерью, пока она, Алиса, не пошла в первый класс. То есть формально это была деревня рядом с Николиной Горой – это сейчас там особняки и метр земли стоит больше, чем вся Центральная Африка. А тогда, пятнадцать лет назад, стояли редкие дачки, в основном настоящие деревенские дома – противенькие, без водопровода, с печкой, туалетом на улице.

Отец разбился на машине, когда Алисе было три года – она его почти не помнила. Бабушка немедленно заявила невестке – то есть матери Алисы, чтобы та убиралась из квартиры. Дом в Аксиньино, который купил еще дед со стороны отца, но так и не успел перестроить, по завещанию отошел папаше – туда они и перебрались.

Дед был большим чиновником в Госкино, жил широко, красиво – к неудовольствию жены, которая вечно ныла, что не может купить себе какую-то особенную норковую шубу. Сына дед отдал во ВГИК и сам удивился, что тот уже на первом курсе снял приличную короткометражку, а на втором написал сценарий, к которому проявил интерес Георгий Данелия. Но сначала умер дед – в шестьдесят четыре он заработал второй инфаркт, врачи запретили ему пить и курить,

и дед за год сгорел от депрессии – он просто не знал, ради чего жить, если нельзя гулять до утра, устраивать шумные застолья и выплясывать лезгинку. Это был веселый наполовину еврей, наполовину грузин, который ничего не понимал в оттенках серого, в полумерах – у него каждый день был отпуск, рядом с ним все искрилось и дрожало, и он был уверен, что жить можно только так – иначе зачем?.. Он возвращался пьяный, пел песни, всех будил, танцевал, обижался, что его не понимают, уезжал к Леванчику или к Кириллу допивать остатки армянского коньяка, который жене Лиане прислали на день рождения, просыпался у кого-то на даче, умирал, заказывал в «Арагви» суп – и кто-то ему его вез на эту дачу, адреса которой дед не знал...

Он украл бабушку, он дарил ей по тысяче роз, он целовал ноги своей армянской принцессе, баловал ее и умирал не от того, что его сердце постарело, а оттого, что оно не могло больше колотиться от восторга, оттого, что превратилось в обычный орган и не стало больше средоточием неудержимой радости.

А потом разбился отец. Ушел за своим отцом, рядом с которым чувствовал себя живым.

За три года до смерти деда отец женился на маме – медсестричке из Сокольников, которую бабушка не признавала за человека. Она считала маму прожженной, хитрой аферисткой, которая вклинилась в их семейство, в их чудесную пятикомнатную квартиру, быстро забеременела и родила ба-

старда – то есть Алису. Дед был равнодушен ко всем этим интригам – до бабушки он раза четыре разводился и считал, что, если уж его сыну хочется спать с медсестрой, можно простить будущему корифею русского кино минутную слабость.

Но бабка была непримирима.

Она происходила из благородной армянской семьи, где из поколения в поколение женились на своих – на красивых, богатых, с высшим образованием и приданым, и какая-то девка из Омска, медсестра из Русаковской больницы, простушка, которая никак не могла усвоить, что в слове «звонить» ударение делается на второй слог, а кофе – не «оно», а «он», была для нее страшнее рака, страшнее пожара, страшнее бедности. Но пока бабушка думала, что мама – аферистка, она ее хотя бы ненавидела, а когда поняла, что та всего лишь глупая девица, обалдевшая от неожиданного счастья, то совсем перестала ее замечать. Мама и Алиса стали невидимыми для нее. До семи лет бабушка не подавала признаков жизни, но в июне, перед тем как Алисе пойти в школу, вдруг появилась в Аксиньино – на черном дедовом «Мерседесе», в модном черном платье, на шпильках, посмотрела на Алису и сообщила, что решила отдать ребенка в приличную школу. Она подарила мамаше квартиру в обмен на дачу: крошечную, двухкомнатную, в Тушине. Но из Тушина удобно было ездить на Пушкинскую – по прямой на метро двадцать минут. Мамаша по дороге на работу отвозила Алису в школу

и забирала ее с продленки. Сначала Алисе в школе понравилось. Но вскоре девочка поняла, что есть она – и есть все остальные. Например, дочери известных режиссеров, дипломатов, актеров, писателей, генералов. Все они учатся в этой отличной школе, некоторые даже остаются на продленку, но большинство забирают домой няни, домработницы, водители, а еще у них у всех модные вещи, компьютеры, вкусная еда, большие квартиры в центре города, а у нее, Алисы, желтый ранец, резиновые сапоги с утятами, пальто в клеточку и шапка с самым уродливым в мире помпоном.

К тому же с матушкой было сложно. Она получала копейки, и у нее не было постоянного мужчины. Из этого следовало, что мать все деньги тратила на тряпки, приходила поздно, а у Алисы на коленях протирались колготы, иногда в квартире появлялся какой-нибудь Дима, который по утрам два часа сидел в туалете... В четырнадцать лет Алиса после школы поехала к бабушке и заявила, что будет жить у нее. Бабушка отрезала: «Ни за что!», но Алиса устроила скандал, и бабушка разрешила оставаться у нее после школы – только не на выходные.

С бабкой у Алисы были странные отношения. С одной стороны, девочка замирала от восторга в этой замечательной квартире, среди картин, антикварной мебели, тяжелых бархатных штор до пола, восхищалась огромной ванной комнатой, библиотекой, домработницей, которую Лиана привезла из Еревана, чистотой, дорогой бабушкиной одеждой, десят-

ками туфель, сумочками, драгоценностями... Но с другой стороны, Алиса понимала, что бабушка ее не любит. Вряд ли она вообще кого-то любила, но Алисе это было неважно – ей-то хотелось, чтобы любили именно ее, чтобы бабушка гладила ее по голове, покупала конфеты, баловала, даже сюсюкала... Но та лишь замечала, что сидеть нужно прямо, не горбиться, говорить хорошо поставленным голосом, уметь правильно улыбаться, не морщить лоб и держать себя с достоинством. В шестнадцать Алиса поняла, что бабушка страшно необразованна. Что касается светских манер – да, тут блеск, бабушку не стыдно было бы представить английской королеве. Но Алиса была уверена, что Лиана даже Чехова не читала, а имена художников – тех, чьи картины висели у них в квартире, знала лишь потому, что эти полотна дорого стоили.

И еще было в бабке нечто страшное. Однажды, когда ночью та зашла к Алисе в комнату за своей любимой кружкой, Алиса приподняла веки и заметила, что Лиана смотрит на нее – и глаза у нее странные. Вроде и черные, как обычно, почти без зрачка, но горят, как у кошки – каким-то странным, желтоватым огнем. Алиса похолодела – вспомнила истории про вампиров, но решила, что дело в освещении – из окна падал желтый свет фонаря.

Денег Лиана Алисе не давала – покупала время от времени приличные вещи, кормила и снабжала проездными на метро.

Когда Алиса училась на первом курсе журфака, мамаша вышла замуж за очередного Диму и уехала с ним в Кострому. Бабушка вежливо, но настойчиво отправила Алису во свояси, зато определила внучке стипендию – небольшую, но на пельмени и заколки той хватало.

Несмотря на то, что жизнь изменилась к лучшему – не было матери, которая с таким удивлением, словно говорила о ком-то постороннем, признавалась, что они опять будут сидеть две недели на макаронах с яйцом, так как она совершенно нечаянно на все деньги купила какую-то там жуткую блузочку, несмотря на то, что не приходилось общаться с ее тупыми кавалерами, несмотря на то, что на курсе Алиса всем говорила, что живет на проспекте Мира, и у нее появились новые джинсы и новая коричневая кожаная сумка. Несмотря на все это, Алиса все еще была злобной, замкнутой, завистливой ехидной, которая от полной безнадежности высмеивала и недостатки, и достоинства однокашников – и это было единственным спасением в холодном, грустном мире, в котором она жила.

А когда Алисе исполнилось двадцать пять с половиной, Лиана умерла и, к большому удивлению внучки, все завещала ей.

И квартиру, и картины, и дом в Аксиньино. Все-все-все. Она не жалела о бабушке. Эта черствая, самовлюбленная, высокомерная и капризная женщина так и не стала ей родной. Иногда Алисе даже казалось, что Лиана говорит на ино-

странном языке – такой суровой и непонятной она была.

Алиса никому не сказала, но, когда прочитала завещание, ей показалось, что она получила Нобелевскую премию. Она была счастлива! На похоронах Алиса, правда, даже поплакала – все-таки бабушка, но радость от того, что она сама теперь – богатая наследница, девушка с капиталом, просто распирала ее. Она даже не сразу решилась зайти в квартиру – это было так волнительно: распорядиться в доме, где ты считалась приживалкой. Алисе чудилось, что она получила в наследство не квартиру, а замок – возможно, с привидениями...

Алиса посидела в кафе, выпила шоколаду, коктейль, уничтожила полпачки сигарет – ей все казалось, что это шутка, что она войдет в квартиру и обнаружит там ереванских родственников Лианы, которые с позором вытолкают ее вон.

Как так?

Алиса вспомнила, как бабушка, вся в черном – со дня смерти мужа она не снимала траура, в бриллиантах, которые прохожие на улице принимали за дешевую бижутерию – настолько крупные были камни, сидела в кресле с журналом в руках, но не читала, а рассматривала его. Алиса в наушниках смотрела сериал, и взгляд бабки – тяжелый, противный, то ли с упреком, то ли с вопросом впивался в мозг, и Алиса оборачивалась, корчила рожи – а бабушка лишь пожимала плечами и отворачивалась.

У Лианы часто бывали гости – то родственники из Арме-

нии, то какие-то светские дамочки, а иногда заходили и мужчины, но Алисе казалось, что бабушка им не рада. С ее лица не сходило выражение «не такой жизни я хотела». Бабушка ложилась поздно, утром долго пила кофе, завтракала черной икрой, на обед ела жирное сациви или чахохбили и много курила – хоть с этим проблем не было, курить Алисе никто не запрещал, ни в комнате, ни в квартире. Вечером Лиана пила красное вино и, казалось, пропадала где-то в прошлом, в воспоминаниях, а может, в мечтах...

Только когда на город опустились бледные сиреневые сумерки, Алиса пошла в квартиру. Консьержка. «Я теперь буду здесь жить, здрасте». Дубовая дверь. «Черт, как открывается этот тупой нижний замок?»

Ожил красный стеклянный абажур. Алиса потрогала шкаф красного дерева – современный, купе, очень дорогой. Ей хотелось обнять этот шкаф. Домработницу уже отправили к племяннице в Ростов – Алиса бы с ума сошла от ее причитаний... Первый раз она была одна в квартире, первый раз никто не смотрел на нее, как на макаку, когда она прикасалась к старинному сервизу, первый раз она могла забраться с ногами на диван, залезть в бабушкин шкаф, порыться в комодах!...

Платьев было очень много. Коробки с обувью. Шляпы. Шали. Белье. «Диор», «Шанель», «МаксМара», «Москино»...

– Ничего себе... – присвистнула Алиса.

Деньги у бабушки были – это факт. Но чтобы столько денег... Откуда? Не могла же она быть любовницей нефтяного магната? Старая, вредная, противная... Раньше Алиса думала, что Лиана потихоньку распродает картины, но на все это – включая домработницу, массажистку, поездки в Италию, черную икру на завтрак и ужины в ресторанах, не хватило бы ресурсов Третьяковской галереи.

Наконец, Алиса обнаружила сейф. На связке ключей, которую вручил ей адвокат, был небольшой ключ от потайной дверцы (обнаружилась за эстампом Дали). Алиса сбегала за сигаретами, поставила пепельницу, открыла сейф и вытащила черные бархатные фермуары с драгоценностями. К одному, пустому, была приколота записка: «Семейные бриллианты отдала Тиграну. Тебе оставила то, что мне подарил твой дед». Тигран был племянником Лианы и довольно противным типом – он уже давно жил под Москвой, на Рублевке, имел какой-то таинственный бизнес, и его даже пытались убить.

Алиса рассматривала, мерила, раскладывала по цвету украшения с изумрудами, рубинами, жемчугом, небольшими бриллиантами.

– Твою мать... – пробормотала она. – Не может быть...

Конечно, коллекция была не блестящей, но все же намного больше, чем Алиса рассчитывала. Под конец обнаружилась коробочка из черного дерева – довольно невзрачная, поцарапанная. Алиса открыла ее и вынула странный перстень:

оправа из черного серебра, похожая на много-много сплетенных вместе лиан, хитро поддерживала черно-красно-фиолетовый опал, в котором играли сиреневые искры. Камень был странный – большой, загадочный и как будто живой. В первое мгновение Алисе захотелось его спрятать обратно в коробку, но кольцо заворожило ее – внутри камня так переливались сочные, глубокие цвета, мерцали огни и блистали искры, что она передумала – надела перстень на палец (подошел идеально) и поймала себя на том, что уже минут десять не может отвести от него глаз. От кольца шло тепло – так, по крайней мере, казалось новой владелице, оно защищало, поддерживало и оберегало. Впрочем, Алиса всегда любила талисманы – будь то новая сумка, сережки с брильянтами или какая-нибудь плюшевая овечка.

Алиса открыла буфет, налила виски, разбавила кока-колой, которую притащила с собой, из каких-то хулиганских соображений стянула брюки и майку, оставшись в трусах, нацепила бабушкины шпильки двадцатилетней давности – зато Лабутен! – и прошлась по квартире. Кухня, гостиная, библиотека – она же бывший кабинет деда, спальня, спальня домработницы и Алисина бывшая комната. Гостиная, кабинет и спальня – это хорошо, но что делать с двумя лишними комнатами? Лиана оставила домработнице пожизненную пенсию – благородная, кто бы ожидал, – значит, придется нанимать приходящую прислугу, так как жить с чужим человеком Алиса не собиралась. Ну, ладно, одна гостевая,

другая... Может, продать картину, закупить кучу вещей и устроить гардеробную?

Хотя у нее и без распродажи имущества вещей навалом. Был же у нее полгода назад Женя, с которым они пять раз совершили набег на Милан! У Алисы засосало под ложечкой. Женя был жутким занудой – он даже свистел, что не любит, когда чужие готовят еду – типа этим должна заниматься женщина. Алиса закармила его макаронами с сыром и куриной лапшой, после чего Женя резко перестал ужинать дома. Зато он оказался таким щедрым, что с Алисой случались просто припадки благодарности. Тогда она еще не была заместителем главного редактора, а просто редактором, и получала не бог весть сколько, хотя неплохо, конечно – но уж чтобы без разбору покупать все, что нравится, в лучших миланских магазинах – об этом не было и речи. В Милане Алиса вспомнила свои резиновые сапоги с утятами и потрескавшиеся лодочки – она покупала и покупала, пока не набила своим барахлом всю Женину квартиру. Открытые туфельки, мокасины, сапоги с ремнями, сапоги с заклепками, сабо на меху, куртка с отделкой из норки, куртка из норки, джинсы, джинсы, джинсы, стильные костюмы с японскими принтами, костюмы от «Маррас», платья от «Маррас», юбки от «Маррас», нежный трикотаж – все это чемоданами... Это был пир, беспредел!

Они так хорошо расстались – без скандалов, без упреков и вот этого: «Ты понимаешь, мне с тобой плохо...»

Противно, правда, было уезжать обратно в Тушино – это из пентхауса-то на Ордынке, но что поделать – будет и у нее свой пентхаус, и вид на Кремль...

Надо немедленно перевезти вещи в бабкину квартиру! Алиса кинулась к дверям, впопыхах оделась, примчалась к себе в Тушино, распихала шмотки по мусорным мешкам, вернулась, свалила их в прихожей и переложила бабушкину одежду в пакеты. Отдаст маме – у них с Лианой, наверное, один размер. С ее вещами в шкафу квартира стала уже как бы совсем Алисиной. Было поздно – возня с одеждой заняла кучу времени, но Алиса решила, что завтра не пойдет на работу: ведь у нее такой праздник – бабушка умерла... В том смысле, что на работе она объяснит про смерть бабушки, а праздник – квартира...

Точно – из коридора и спальни шкафы долой, в свободной комнате будет гардеробная! Что ее удержало от того, чтобы немедленно не демонтировать шкаф-купе – только бог знает, но Алисе все же хватило разума оставить все, как есть, и просто напиться.

Развалившись на диване, который стоял в эркере, Алиса вспоминала, как жила в Аксиньино – у нее был гадкий овчинный тулупчик, как у других деревенских детей, валенки, шапка с фланелевой подкладкой и варежки из овечьей шерсти, которые вязала соседка. Мама тогда работала медсестрой в Кремлевской больнице, что в Крылатском, неплохо зарабатывала на чаевых и могла себе позволить, так ска-

зять, няню – соседку тетя Валю, деревенскую бабу, которая на огромный ломоть хлеба клала крохотный кусочек колбасы и все это дело называла бутербродом. Тетя Валю Алиса и любила и презирала – любила за то, что чувствовала искреннюю привязанность этой грубоватой, несчастной одинокой женщины, а презирала за то, что тетя Валя толстая, некрасивая, за поговорку «все у тебя, не как у людей», за то, что тетя Валя варила склизкие щи, в которых плавало мясо с рыхлым жирком, за то, что няня все пересаливала, и за то, что экономила копейки на электричестве – если она смотрела телевизор, то выключала свет, и делалось темно, неприятно и тошно. Лампочки у тети Вали были тусклые, по телевизору показывала одна программа, и Алиса гуляла до самых сумерек – пока снег не становился синим и не делалось страшно, что откуда ни возмись появится волк и съест ее.

Уже тогда холод проник в Алисину душу, уже тогда она не могла согреться ни рядом с мамой, ни на печке-лежанке. Ее опутывала инеем бедность, некрасивость, одиночество и ощущение, что о ней все забыли. У взрослой Алисы по утрам мерзли руки – и только победы, только карьера, только уверенность в том, что в банке лежат деньги, а ее имя регулярно появляется в светской хронике, отогревали ее, пусть и на время.

Холод пугал, холод незаметно подкрадывался, когда она была беззащитна – ночью, если проснуться от страшного сна, утром, когда Алиса была еще в паутине сновидений, в объ-

ятиях мужчины, который уже надоел... Иногда ей хотелось полюбить — подойти к человеку, протянуть руки и почувствовать тепло, но любовь требует слишком много компромиссов, слишком много жертв, и Алиса надеялась, что сама справится — если станет богатой, могущественной и знаменитой. Лучшим редактором лучшего журнала.

Глава 3

– Что происходит? – бросила Алиса на ходу и прошла в кабинет.

Она не выносила этот аквариум – стеклянные стены, стеклянные двери, но так у них в богадельне было принято – сотрудники с головой отдавались работе под неусыпным взором начальства. Через стеклянную стену сидела Оля. Алиса даже повесила между ними деревянные жалюзи – чтобы не сталкиваться взглядами, но это не помогло – даже оставаясь невидимой, Оля раздражала Алису со страшной силой.

Алиса набрала номер заместителя главных редакторов.

– Маш, «Почувствуй разницу!» снимаем. Есть что-нибудь в заглавнике? – поинтересовалась она.

– Э-ээ... – промямлила Маша. – Почему?

– Надо читать материал перед тем, как сдавать его в номер! – отрезала Алиса и повесила трубку.

Как и следовало ожидать, Маша появилась ровно через секунду. Вместе со своими кудрявыми, до талии, волосами, очками в черной оправе, джинсах с высокой талией и рубашечкой в цветочек. Мало того, что Алису до исступления доводили волосы ниже лопаток – было в этом, с ее точки зрения, нечто совершенно неприличное – какие-то розовые девические мечты, тургеневские романтические страдания, что-то нереальное, из придуманного мира... Она еще не по-

нимала, отчего Маша так держится за очки – когда в мире существуют контактные линзы! Ну, а про брюки с высокой – то есть, извините, стандартной, талией и говорить не имеет смысла – за них надо арестовывать.

Вот посмотришь на Машу – и сразу ясно: девушка из хорошей семьи, девушка, в которой настолько нет ничего вульгарного, что само отсутствие вульгарности делается вульгарным! Девушка, которая ни разу в жизни не сделала ничего в знак протеста – не закурила, не накрасила губы красной помадой, не напилась до соплей и не включила на всю катушку Джимми Моррисона.

Машу привела в редакцию Оля – они с детства дружили, и за это Алиса ненавидела ее еще больше, хотя, конечно, началось все с того, что как только Алиса первый раз взглянула на нового заместителя главных редакторов, она поняла, что видит свою полную противоположность.

– Алиса, я не поняла, что ты имеешь в виду, – заявила Маша.

– Я имею в виду именно то, что сказала, – отрезала Алиса. – Статью надо поменять. Немедленно.

– Но она уже пошла в номер! Мы завтра сдаемся! – возмутилась Маша.

– Маш, это твой косяк. Твои проблемы. Ты зачем эту мерзость в номер поставила?

– Слушай, Оля материал одобрила...

– Хорошо, – перебила ее Алиса. – Зови Олю.

Спустя минуту вошла Оля, и Алиса в который раз позавидовала тому, что некоторые люди начисто лишены комплексов.

Оля была толстой. Но по странному капризу природы не такой толстой, как большинство баб – с круглым лицом, глазами-щелочками, пузом и галифе на бедрах. Она просто время от времени увеличивалась на размер – при этом у нее был плоский живот, подтянутая задница и вполне аккуратное личико. Только вот размер, наверное, уже приблизился к пятидесяти второму.

Но Оля все равно надевала джинсы с талией на бедрах, обтягивающие топы или короткие юбки – возможно, она казалась себе прекрасной.

– Алиса, ты опять... – начала было Оля, но та не дала ей сказать ни слова.

– Объясняю! – она повысила голос. – Пока я была занята спецпроектом, вы протащили в журнал материал, от которого, по слухам, со скандалом отказались все региональные, корпоративные и интернет-издания. Но мы же добрые и щедрые, так что нам, конечно, не жалко пустить в номер никчемный, бездарный и совершенно бессмысленный материал, если бы не одно «но». Материал стоит перед рекламой «Карнавала» – как мы все помним, новой сети магазинов женской одежды, с которой была заранее согласована тема. Но в «Карнавале» вчера попросили прислать текст, а сегодня они уже готовы разместить рекламу в «Космополитен»

или в «Гламур» – они надеются, что там их не поставят после заметки, которую никто не осилит и наполовину – а значит, пролистнет вместе с их рекламой. Напоминаю – они собирались заключить контракт минимум на полгода.

– Можно увидеть письмо? – холодно спросила Оля.

Алиса открыла электронную почту.

– Но письмо пришло вчера, – заметила Оля.

– И что?

– Ты не могла сказать об этом вчера? – Оля оперлась обеими руками на стол и тяжело посмотрела на Алису.

– Вчера я была на съемках!

– Но у тебя же есть наладонник!

– Именно вчера он разрядился!

В этом и был смысл – дать понять, что все не просто так, а с ее, Алисы, подачи и не придрасться: «Карнавал» сделал запрос, выразил недоумение – все красиво. Ведь никто не знает, что Алиса подружилась с девушкой из «Карнавала», осторожно выразила сомнение, девушка – чтобы показать начальству, какая она предусмотрительная и как рьяно бдит интересы компании, – поставила ультиматум, и по цепочке они вернулись к тому, с чего начали – к автору.

К автору Оли, к очередной сочинительнице, чьи тексты были похожи на покойников в дорогих гробах, с венками из свежих цветов, с безупречным гримом, в красивом костюме, но в которых не было одного – жизни. Технически правильные, фактурные материалы, в которых можно было за-

вязнуть, как в бетоне... Алиса спорила, Алиса увольняла, Алиса рвала и метала, но не подвинула Олю вместе с ее безжизненными авторами ни на сантиметр.

И теперь она мстила. И хотела бы надеяться, что до Оли дойдет смысл этих ее махинаций.

– Ясно, – кивнула Оля. – Маш, попроси Квливидзе написать что-нибудь веселое на эту тему... Нет, я сама позволю... – и она вышла из кабинета Алисы.

Вышла, виляя тяжелыми бедрами.

Алиса посмотрела макет журнала, ответила на пару звонков и отправилась в отдел моды.

– Привет, девушки! – весело начала она. – Поздравляю!

Стилистки зарделись.

– В этом номере вам удалось полностью завалить модную съемку и явить дорогим читательницам, не побоюсь этого слова, полный пи...ц! – объявила Алиса.

Девушки все еще улыбались, но как-то неуверенно.

– Ты...

Алиса очень любила Наташу – редактора отдела моды, но та, к сожалению, имела особенность время от времени бессовестно халтурить.

– Наташ, фиолетовый в сочетании с красным и коричневым – это какое-то творчество шизофреников! – рявкнула Алиса. – Извини, но ты осталась без премии.

– Но я рассчитывала... – задыхнулась Наташа.

– А я рассчитывала на то, что над нами в этом месяце не

будут смеяться в «Воге»! Ты меня поняла?

Алиса оглядела Наташу с ног до головы и вышла в коридор. Ее догнала ассистентка редактора моды.

– Алиса, понимаете... – запищала девица, но главный редактор даже не обернулась. На ходу бросила:

– Не лезь не в свое дело! – и вернулась в кабинет.

Она уже давно поняла – чем больше церемонишься, тем меньше дистанция между начальницей и подчиненными. А если сотрудники не считают тебя страшным и ужасным начальством – начинается анархия.

Если честно, то ее ненавидели. Но вот парадокс – чем больше истерик, обещаний «поставить эту стерву на место» гуляло по редакции, тем больше они все старались завоевать ее любовь. Алиса умела хвалить и умела ценить – за хорошую работу выписывала повышенный гонорар, отправляла девочек в промотуры на Мальдивы, на Ямайку, в Китай, устраивала раздачу слонов – халявной косметики и парфюмерии, которой заваливали журнал, но за это высказывала то, что думала – если ее не устраивал результат.

Плакаться и ныть ходили к Оле – но это было бессмысленно, так как совет директоров интересовало лишь одно – сколько номеров журнала купят в этом месяце.

Олин папа был очень нужен владельцу журнала, у которого, кроме издательского дома, имелся еще какой-то серьезный бизнес, поэтому Оля могла явиться на работу голой и поджечь офис – и все равно бы осталась главным редакто-

ром. Но Алису ценили не меньше – она делала все, чтобы журнал оставался самым популярным. И самым доходным.

– Ладно, я поехала на открытие чего-то там в Барвиху, – сообщила Алиса секретарю. – Сегодня меня не будет.

Она вышла из редакции и поблагодарила высшие силы за то, что работает в таком замечательном месте, где тусовки считаются деловой встречей – никогда не знаешь, где объявятся потенциальные рекламодатели. Бизнесмены тащатся на переговоры, сидят в комнатах, где всегда слишком прохладно из-за кондиционеров, в скучной компании, на скучной мебели – а она едет на прием, где будет много знакомых, вкусная еда, красивая одежда и свежий воздух.

Отличный денек! Распогодилось, потеплело – на солнце просто жарко... Алиса вынула солнечные очки, как-то неловко дернула рукой, и ее любимые «Гуччи» 2004 года шлепнулись на асфальт. Стекло вылетело и разбилось на две половинки. Алиса чуть не заплакала. Это ведь уже коллекционная модель! Она их купила на Неделе моды в Милане! Какая боль...

Расстроенная Алиса села в машину, опустила козырек и, шуря глаза, влилась в поток автомобилей.

На Кольцевой, как всегда, была толчея, но самое страшное, разумеется, было на Рублевке. Машины вообще не едут. Стоят – иногда гудят, хотя все понимают, что гудеть – бесполезно. Сколько стоит воздушное такси? Мать твою!

Нужно будет позвонить психотерапевту, а то что-то нер-

вишки пошаливают... А потом съездить отдохнуть. Где она была последний раз? На выставке в Париже – но это не считается. На Кипре с «Комеди клабом», в начале июня в Нью-Йорке... Марокко! Надо срочно валить в Марокко! Алиса обожала местный рынок серебряных украшений. Какой аквамарин она отхватила в прошлом году – с ума сойти! Квадратный, огромный, на толстой серебряной цепочке! А аметисты! А турмалины? За копейки! То есть почти даром. Ну, и пусть погода там странная – зато синий-синий океан, глубокое и чистое, как муранское стекло, небо и горизонт – бесконечный горизонт...

Алиса с ужасом вспомнила свой первый студенческий отпуск. Они тогда поехали в Крым – в плацкартном вагоне (страшное, бесчеловечное изобретение – она чувствовала себя, как скотина, которую везут на бойню – окна не открываются, кто-то жрет котлеты с чесноком, от соседей разит перегаром – причем пили они, по всей видимости, одеколон «Шипр»...). А в Крыму – хамство, свинство и воды никогда не бывает. Ее однокурсники пили, объедались чебуреками и считали, что здорово проводят время, но Алиса, хоть и была такой же бедной студенткой, не могла дожидаться конца каникул. Ей все было отвратительно – ужасные, сырые мазанки с пружинными кроватями, гадкий душ на улице, в котором по углам торчали мокрицы, кучи мусора на пляже, запах баранины из татарских кафе, странные люди, которые изображали из себя невесть что – только потому, что нельзя их

проверить...

Пять лет она не отдыхала – не было денег на нормальный отпуск. То есть однажды, поздней осенью, Алиса на неделю слетала в Турцию, а еще раз Лиана в состоянии помешательства (так посчитала Алиса) взяла ее с собой в Грецию, на Корфу, где жила какая-то родственница бабушки по материнской линии.

Это было блаженство...

Пусть Греция – маленькая, бедненькая страна, и никому не известно, есть ли у них там сейчас литература, живопись, мода – и, вообще, чем они живут, но это страна с историей – великой историей, и если люди про сей факт забыли – земля помнит. Первые дни Алиса задыхалась – ее переполняли чувства, она видела следы Геракла, Одиссея, Тесея – и не могла справиться с собой, так ее зацепило, но вскоре погрузилась в состояние, близкое к эйфории, – не чувствовала собственного тела, парила, как дух, потому что все ее существо состояло из эмоций.

В большом доме недалеко от моря – доме с белыми стенами и черепичной крышей – не современной, что похожа на шифер, а старинной – желто-красно-коричневой, жили пять женщин. Бабушка, ее родственница – хозяйка дома, Лили Кастаки, – женщина лет шестидесяти с крупным красивым лицом, тяжелым взглядом и склонностью к белому вину, домработница Лианы, которую та привезла в качестве поварихи, горничная Лили – гречанка, и Алиса. Вход в ком-

нату Алисы на втором этаже был со двора – туда вела узкая деревянная лестница, при комнате были терраса, туалет и ванная, так что она лишь изредка видела остальных на кухне – когда оттуда уж совсем невыносимо пахло сладостями, которые служанка-гречанка готовила каждый день – чтобы были свежие. Завтракать, обедать и ужинать Алиса предпочитала в кафе с видом на море – там было дешево и не надо было мыть за собой посуду.

Однажды вечером Алиса нечаянно подслушала странный разговор. Она заснула после ужина и очнулась в полночь. Вспомнила, что сегодня гречанка пекла кадаифи – что-то вроде рулетиков с марципанами, и решила поживиться. Не стала надевать шлепки, пошла босиком и чуть было не вляпалась в неприятную беседу, которая шла на повышенных тонах между Лилей и Лианой.

– Ты так говоришь об этом, словно тебе стыдно! – кричала шепотом Лиля.

– Ты знаешь мое мнение! – сердилась Лиана. – Мне никогда это не было близко!

– Но как ты можешь! – Алиса так живо представила, как Лиля широко всплеснула руками, что даже отпрянула, хотя увидеть ее не могли – она стояла за розовым кустом, что частично закрывал вид из низкого кухонного окна. – Почему ты стесняешься нас?!

Лиана молчала.

– Потому что... – начала было она. – Меня это пугает.

– О, боже...

– Как ты можешь поминать бога... – шикнула Лиана.

– Ах, вот в чем дело! – воскликнула Лиля. – Ты считаешь, что мы...

– Нет! – отрезала бабушка. – Но... Не знаю, как тебе объяснить. Я и за Жору замуж вышла, потому что... А он умер! А что я еще могу кроме этого?

– Слушай, отдай мне перстень, – попросила Лиля уже другим тоном. Алисе даже показалось, что она подлизывается.

– С ума сошла? – возмутилась Лиана. – Ты же знаешь, я не могу. И кому, как не тебе, это знать?

– О... – застонала Лиля. – Ну, что ты будешь с ним делать? А? Кому оставишь? Этой...

– Я должна так поступить, – твердо ответила Лиана. – Даже если мне самой это не в радость.

– Ну, и зануда же ты! – весело воскликнула Лиля, и Алиса услышала звук льющегося в бокал вина.

«Этой...» – что ли, ей, Алисе? Маме? Или еще какой-нибудь родственнице? Что за перстень? Разумеется, тогда она вообразила кольцо с огромным – в двадцать карат – бриллиантом, но теперь-то считала, что это тот самый опал.

Странный опал, который иногда был холодным, а временами – теплым, если не горячим. Камни меняют температуру?

В тот раз Алиса пробралась к себе, переоделась и помчалась на пляж. Она плюхнулась в теплое ночное море и никак

не могла унять возбуждение – ей казалось, что она прикоснулась к тайне, к чему-то загадочному и запретному.

Тогда они провели на Корфу полтора месяца, но по приезде домой больше Лиана о Кастаки не вспоминала. Как-то Алиса спросила бабушку, как поживает Лиля – с надеждой на возвращение в рай, но та лишь отрезала:

– Понятия не имею!

Потом, когда Алиса сама приехала в Грецию – в Солоники, она съездила на Корфу, но почему-то так и не нашла дом – хотя точно помнила, где он находится – и улицу, и номер, но как-то выходило, что она все время попадала не туда.

Она даже нашла поблизости старую гречанку, которая сидела на раскладном стуле, нашла местную, что понимала по-английски, и попросила узнать у старухи, не слышала ли она о Лиле Кастаки. Но гречанка, как и бабка, ответила:

– Понятия не имею! – и ушла в дом...

Пробка на Рублевке неожиданно рассосалась – выскочил гаишник и всех разрулил. Алиса с болью в сердце проехала Барвиху – на стоянке пока еще оставались свободные места, и помчалась дальше – нужно было заскочить за подругой, у которой сломалась машина. В одном месте дорога давала крутой поворот – и он шел над обрывом. Зимой здесь было много аварий – несмотря на отбойники, несмотря ни на что, а летом, в пробки, машины тащились со скоростью пять км в час. Но сейчас отчего-то не было ни одной – ни одной! – машины, и Алиса, наконец, разогналась. Солнце слепило гла-

за – она опять опустила козырек, прищурилась, полезла было в бардачок – вдруг, – о, чудо! – завалялись старые очки, и на скорости вылетела на встречу – совсем чуть-чуть, но тут неожиданно в поворот вписался грузовик – и откуда он взялся? – поддел крылом... Алиса почувствовала лишь, что летит вместе с машиной. Перед тем, как ее «Рэндж Ровер» рухнул на землю и несколько раз перевернулся, Алиса закричала – про себя: «Это не может произойти со мной! Нет! Я не готова! Я должна жить! Я буду, мать вашу, жить! Черт! Черт! Черт! Черт! Помогите!..» Грохот свалившейся с неба машины оглушил ее – мир превратился в черное пятно, и Алиса потеряла сознание.

Глава 4

– В чем дело?! Руки убери! – Она сделала попытку вырваться, но этот сукин сын крепко ее держал.

– Не волнуйтесь, все хорошо... – увещевал мужик, но Алиса ему не верила.

– Отпусти меня немедленно! – прошипела она, дернулась, пошатнулась и чуть не упала.

– Вам лучше не двигаться, – посоветовал мужик. – Давайте присядем...

Алиса посмотрела вниз. Каблук был сломан. Она наклонилась, сняла туфли, посмотрела на них с сожалением, после чего, наконец, огляделась по сторонам. Сверху, с дороги, на нее смотрели какие-то люди. Впереди, в кустах, валялось нечто, что, видимо, недавно было машиной. Ее машиной.

Мужик все еще держал руки вытянутыми вперед – словно Алиса была похожа на человека, готового вот-вот лишиться сознания, и с тревогой следил за ней.

– Что? – рывкнула Алиса. – Видите, каблук сломался, так что я пока уверенно на своих двоих стою, не надо меня держать!

Осторожно, чтобы не оцарапаться о кусты, она прошла к машине, посмотрела на эту кучу металлолома, вздохнула и обернулась к мужику, который выглядел так, будто увидел привидение.

– Она застрахована, – Алиса кивнула в сторону машины. – От всего.

Послышалась сирена «Скорой помощи».

– Э-э... Девушка... – замямлил сердобольный мужик. – У вас, наверное, шок. Вы так навернулись, что...

– Возможно, – Алиса с легкостью согласилась с тем, что у нее шок.

– Лучше, наверное, показаться врачу? – робко поинтересовался тот, с надеждой взирая на докторов, которые неслись с обрыва. – Она вон там лежала... – сочувствующий кинулся к врачам и указал на клочок земли перед густым кустарником. – Я ее поднял, хотел перенести, но тут она пришла в себя... – и он с сомнением оглянулся на Алису.

Та ответила ему высокомерным взглядом.

Доктора взяли Алису под руки и заверили, что так просто они ее не отпустят – надо обследоваться: наверняка у нее нервный срыв, сотрясение мозга, переломы...

– У меня нет переломов, – заверила Алиса. – Потому что у меня ничего не болит.

– Это пока, – утешил ее врач.

– Ладно, – кивнула Алиса. – Пойду, возьму вещи...

– Не волнуйтесь! – второй врач попробовал ее удержать. – Милиция вам все привезет...

– Вы что, думаете, я оставлю сумку за тысячу двести долларов, бумажник, кредитки, мобильный и карманный компьютер на растерзание нашего уважаемого ГАИ, которое по-

ка что даже не соизволило явиться? – возмутилась Алиса. – Отстаньте от меня! – она отмахнулась от второго доктора, который бубнил что-то об успокоительных.

Алиса прорвалась к машине, вытащила – не без труда, но одежда и так уже была грязная и рваная – сумку, документы, все необходимое, и прошествовала в карету «Скорой помощи».

– У меня страховка от Кремлевской больницы, здесь не далеко, вам подсказать адрес? – сообщила она врачам, которые лишь переглянулись, но ничего не сказали.

Они отвезли ее в больницу, сдали на руки дежурному и, кажется, вздохнули с облегчением.

– Э-э... – запинаясь доктор. – Дело в том, что...

Алиса, развалившись на кровати в одноместной палате, допивала компот. Больница есть больница – даже здесь еда не вполне съедобная. Алиса только что приняла душ, накинула халат и с нетерпением ждала результатов анализов, которыми ее мучили последние полтора часа – ей уже побыстрее хотелось домой. Она чувствовала себя замечательно – кроме сожалений по поводу уничтоженной машины, ее ничто не тревожило.

– Доктор, у меня что, перелом основания черепа? – поинтересовалась она.

– Нет, все в порядке! – оживился врач. – Все просто замечательно – ни сотрясения, ни переломов, ни ушибов. Как будто вы не летели через лобовое стекло.

– Чудесно! – Алиса вскочила с кровати. – Тогда я вызываю такси.

– Но... – застеснялся доктор.

– Что «но»? – рассердилась Алиса.

– Это странно, – произнес тот. – Такая авария...

– Значит, мне повезло, – заверила его она, подхватила вещи и ушла в ванную переодеваться.

Минут через сорок приехало такси, Алиса устроилась на заднем сиденье и выслушала отчет таксиста о жуткой аварии на Рублевке.

– Я из Успенского ехал – вез туда писателя, знаете, Вадим Панов такой?..

– Знаю, – кивнула Алиса.

Таксист обрадовался, что Алиса в курсе, какого замечательного человека он катал сегодня на машине, и даже сделал потише музыку – чтобы не мешала уже почти дружеской беседе:

– Вот, а на обратном пути смотрю – гаишники, эвакуатор, кто-то в обрыв рухнул, машина всмятку, ужас, небось насмерть...

– Это моя машина и моя авария, – заявила Алиса, хотя не следовало, конечно, этого делать. – И я жива.

Пришлось рассказать таксисту, как все было, похвастаться, что ни переломов, ни контузий у нее нет, и мужественно вынести все его ахи-охи.

– Ну, видно, Господь вас уберег, – предположил таксист.

Алиса пожалала плечами – какая разница? Она устала, хотела домой, в ванну, в постель, хотела отдохнуть и разобраться со своими чувствами. Может, у нее действительно шок?

Она смутно, но все же помнила тот страх – ты летишь в машине и в лучшем случае надеешься на то, что тебя не парализует, что хоть какая-то часть твоего, пока еще молодого, сильного и здорового тела окажется без переломов, надеешься не почувствовать боль и очень-очень хочешь жить. И все происходит так медленно и так быстро – одновременно...

Зазвонил телефон.

– Алиса, это Женя... – Женя была артдиректором «Глянца». – Мы вас уже три часа не можем найти, тут прислали негативы с Мальты...

– Я в аварию попала, – сообщила Алиса.

– А... как вы себя чувствуете? – спросила Женя.

Между этим «а» и этим «как» Алиса почувствовала такую надежду, такое вдохновение: «Неужели эта стерва осчастливит нас своим отсутствием?», что не смогла не ответить:

– Все ужасно. Машина вдребезги, рухнула с обрыва на Рублевке, несколько раз перевернулась... – она сделала паузу. – Но со мной все в порядке, еду домой. Ни царапинки.

– О-о... – не без труда справившись с разочарованием, Женя рассталась с мечтами о вольнице. – Тогда я вам завтра покажу макет...

– Жень, ты знаешь, я, возможно, завтра не приду на работу – нужно еще раз съездить в больницу на повторное об-

следование, так что не могла бы ты подъехать ко мне домой, я буду через полчаса?

Было восемь вечера.

– Ну... – задумалась Женя.

– Ты знаешь мой адрес?

– Записываю, – вздохнула Женя.

Что делать, была у Алисы такая слабость. Ее обижало, когда к ней плохо относились. Она сама умела уважать – не любить, но признавать чужие достоинства, а другие – вроде Женечки – ценили только «человеческие отношения», то есть Олю, которая никого не заставляла сидеть после шести на работе, которая все что угодно могла перенести на завтра и для которой обеденный перерыв был святыней, отдыхом от работы.

Алиса сама от работы не уставала – она вообще никогда не уставала, а если и утомлялась, так это была сладкая, блаженная истома – как после целого дня, проведенного в море, после танцев всю ночь напролет, после секса с новым страстным мужчиной – такая усталость, от которой получаешь наслаждение, а не измотанность рабочей клячи, на которой весь день воду возили.

Только она разъединилась с Женей, телефон опять заиграл мелодию из «Амели».

Дима.

– Да, – ответила она.

– Ну, ты где? – строго спросил он.

Дима веселил ее тем, что постоянно находился в образе начальника. У них в корпорации субординация была построже, чем на морском флоте – Алиса живо представляла, как он идет, весь из себя важный, по коридорам, а сотрудники склоняются ниц. Он был такой серьезный, так искренне верил в то, что перепродажа природного газа – высший промысел, а сам он, видимо, кто-то вроде пророка, что за это Алиса его и полюбила.

В одно мгновение она поняла, что устала от богемных мальчиков, которые и такие непредсказуемые, и такие занятные, и так с ними жарко, что ей хоть на полгода захотелось, чтобы все было «как у людей» – привет тетя Вале. Она приходит домой, он приходит домой – может, вместе поужинают в ресторане, может, сходят в кино, красивый дом – буржуазный до противности, никаких запоев по вторникам... И чтобы он чувствовал себя эдаким рыцарем, охотником-добытчиком, а ее, кем бы она ни была, считал слабым полом, о котором надо заботиться...

Правда, когда он стал называть ее «котенок», Алиса задумалась – а все ли правильно в ее жизни, но, с другой стороны, жить с членом совета директоров газоперерабатывающей компании было так уютно, так удобно, что она все откладывала и откладывала на завтра размышления о разрыве.

Тем более что Дима достался ей в равном и не легком бою. На него покушалась очень уж роскошная девица – Майя, тощая брюнетка с огромным бюстом. Майя отлично выгля-

дела: в свои тридцать пять – на двадцать шесть, изумляла публику восхитительными изумрудами, держалась уверенно и была профессиональной содержанкой. Если бы Майя оказалась бестолковой и милой, Алиса бы уступила, но та изображала из себя невесту что – а точнее, дизайнера интерьеров, и Алиса вцепилась в Диму, как питбуль.

Диму привел Никита – бизнесмен, но заядлый тусовщик, и всем сообщил, что Дима расстался с какой-то барышней и мечтает снова влюбиться. Их было пятеро: Дима, Никита, Майя, Алиса и один кинопродюсер с коричневыми мешками под глазами.

– Ну, кто смотрел «Код Да Винчи»? – поинтересовалась Майя.

– Я смотрел, – признался Никита. – Проснулся в пустом зале.

– О, да! – подтвердила Алиса. – Я такого массового исхода на перекур ни разу в жизни не видела! Даже обидно.

– А вам понравилась книга? – поинтересовался Дима.

– А вам нет? – прищурилась Алиса.

– Нет, – ответил он.

– А что там вообще может понравиться? – воскликнула Майя, которая, как ей казалось, схватила волну. – Американский пирог!

– А мне нравится американский пирог, – произнесла Алиса. – А сейчас, Майя, закрой уши, – я даже Макдоналдс люблю! И, несмотря на то, что книга основана на реальных теле-

программах канала «Дискавери», в ней есть то, чего не хватает читателю – факты, изложенные доступным языком. Даже сейчас, когда рекламный туман рассеялся, это все равно почти что единственная попытка донести некоторую философию до обычного читателя, которого все большие авторы считают быдлом.

– Ну, конечно, только у вас в «Глянце» читателя не считают хуже себя, – съязвил кинопродюсер.

Но Майя промахнулась. Алиса, опытный интервьюер, сразу же засекала одну интересную особенность – Дима принадлежал к новому типу богатых мужчин, которые в свои сорок два мечтают не только о вилле на Гавайях, комфорте пятизвездочных люксов, идеальном газоне в идеальном коттеджном поселке с развитой инфраструктурой – их тянет в культуру. Они пишут книги. Они даже издают свои книги. Они видели столько фотомоделей, нимфеток и опытных, зрелых содержанок, что мечтают о чем-то качественно другом – о женщине с головой на плечах. О той, кто может прочесть пару глав его нового романа и найти стилистическую ошибку. О той, что нежно и уверенно скажет, что Пикассо – гений, а Дали – комедиант.

И на декольте от Версаче с грудью четвертого размера они не клонут. То есть не клонут, если декольте украшает голова, в которой примечательны только серьги с крупными бриллиантами. Это даже не вопрос вкуса – это такой новый этикет продвинутого бизнесмена.

– Об этом я не подумал, – улыбнулся он.

– Но, если честно, у меня уже все эти Коды в зубах навязли, – призналась Алиса.

Конечно, милая беседа двух интеллигентных людей ничего не решала – а именно того, что грудь Майи плавно перемещалась в декольте, следуя за вдохами-выдохами ее счастливой обладательницы. Потому что интеллект интеллект, но мало ли какие у мужика в этом месяце сексуальные предпочтения... Но тут Алиса заметила приятеля – известного певца. Он подошел поздороваться, а она прошептала: «Забери Майю и держи ее при себе, пока тебе не позвонит наш корреспондент и не попросит об интервью». Певец оживился, а Алиса задумалась, как бы его похитрее втюхать какому-нибудь «Вестланду», чтобы она, Алиса, аргументировала появление певца в номере рекламным бюджетом, который джинсовая марка готова оставить в их журнале. В том смысле, что певец хоть и популярный, но о нем уже написали все журналы, а если надавить и на «Вестланд», и на рекламный отдел, то последний потребует, а «Вестланд» прогнется под определенную сумму за интервью – с упоминанием марки, разумеется.

Будущее лицо джинсовой одежды прихватило Майю за талию, наговорило комплиментов и уволокло ее знакомиться с режиссером музыкального видео – на предмет того, не подойдет ли она на главную женскую роль в его, певца, новом клипе.

И пока Майя присматривалась к певцу – что за часы, какая машина, где он живет – новый ли дом, давно ли купил квартиру, она, Алиса, продолжала умеренно дерзко – но в то же время восторженно, по-женски, рассматривать Диму.

Если честно, все это ее не очень устраивало. Дима ей нравился – подтянутый, привлекательный, богатый, умный... Но все эти игры, прелюдии, церемонии...

Раньше ее вполне устраивали чуть безумные, с налетом экстрима, молодые люди, которые не скрывали природной натуры – с ними можно было немедленно сбежать с такой вот вечеринки – чтобы до глубокой ночи сходиться с ума в неопрятной, измятой постели, пить текилу, курить в спальне, слушать громкую музыку и ощущать себя героиней романов Франсуазы Саган. Романтика.

В долгих ухаживаниях, ужинах в дорогих ресторанах, розах, намеках и трепете, когда его рука коснулась ее руки, Алиса ничего романтического не обнаруживала. Ее гимн – «Зажги мой огонь» Джимми Моррисона, а не «Влюбленная женщина» Барбры Стрейзанд.

Но ей нужен был мужчина, и ей хотелось затишья – значит, придется терпеть.

Дима, действительно, некоторое время водил ее по ресторанам, дарил цветы, пригласил на концерт «Маттафикс», они погуляли по Неделе высокой моды, и секс был хоть и приятный, но уж очень нежный и со всей сопутствующей чепухой – массаж с ароматическим маслом, джакузи с шампан-

ским, и еще он боялся криков – все время спрашивал: «Тебе не больно?»...

И еще Дима не терпел никакой безалаберности – договорились в выходные поехать в Волен кататься на лыжах, значит, поедут – даже если не хочется.

– Дим, я из больницы еду... Нет-нет! Дим, мне вкололи успокоительное, так что я сейчас засну, как сурок, и никакой твоей заботы не почувствую. Давай лучше завтра ты меня с работы заберешь, и я вручу себя под твою опеку? Я без сил. Ага. Не волнуйся. Ну, целую.

– Кстати, у тебя скоро день рождения, – напомнил Дима. – Что тебе подарить?

– В свете последних обстоятельств – машину, – осторожно намекнула Алиса. Вроде и шутка... Но кто знает?

– А какую ты хочешь? – поинтересовался он.

– Ты правда подаришь мне машину?!

– Котенок... – протянул Дима, и на этот раз Алиса не стала его одергивать.

– Ух, ты! – восхитилась она. – Тогда «Шевроле Корвет» черного цвета. Можно?

– Она твоя.

– Я в такси, поэтому я тебе сейчас эсэмэс напишу, – пообещала Алиса и написала, что Дима – самый щедрый, самый добрый, лучший на свете, она его обожает, она очень счастлива, он – ее все.

Глава 5

Дома Алиса включила воду, вывалила в ванну все ароматические масла, соли и бомбочки, рухнула на кровать и едва не заснула.

Опомнилась, вскочила и бросилась в ванную – у нее недавно полетела штука, которая не дает воде перелиться через край, и один раз Алиса уже чуть было не затопила соседей.

– Стоп! – закричала она, увидев, что еще секунда – и на пол обрушится поток воды, пены и масла.

Она кинулась было закрывать кран, но движения сами по себе замедлились, Алиса остановилась у бортика, так как никак не могла осознать то, что видит – вода лилась не вбок, то есть на пол, а вверх. То есть над ванной рос массив воды, которая вопреки законам природы не выливалась, а... непонятно что. На ватных ногах Алиса сделала еще шаг вперед, выключила воду, выдернула пробку, подождала, пока лишняя вода сольется, вставила пробку на место и тихо вышла из ванной. Села на кровать и решила, что авария не прошла без последствий. Видимо, у нее ум за разум зашел.

Зазвонил телефон. Алиса немедленно сняла трубку – очень хотелось услышать человеческий голос, который, как ей казалось, вернет ее в реальность.

– Але, это я, – сообщила Марьяна. – У меня плохое на-

строение.

– Почему? – без вдохновения поинтересовалась Алиса.

– Потому что я плохой человек. Плохой человек с плохим настроением, – мрачно ответила Марьяна и рассказала о собственной подлости.

Вчера ей позвонил ее бывший безработный художник-алкоголик и осведомился, не говорила ли Марьяна о нем с главным редактором некоего еженедельника, которому требовался артдиректор. Марьяна, вспомнив обесчещенный диван, наврала, что говорила и что место уже занял кто-то из друзей главного редактора. И сейчас Марьяне стыдно, потому что она на самом деле добрая и не любит врать – а еще считает, что любое зло возвращается к владельцу. На нее напала хандра, и она вычисляла, кто из знакомых в ближайшее время подложит ей свинью.

Алиса рассказала про аварию – на Марьяну это произвело должное впечатление, и они скоро расстались.

Тут же позвонила Женя – она стояла в пробке на Тверской, и Алиса решила ее не мучить – отпустила домой. После Жени объявился Дима, которого пришлось уверять, что она только приехала, а что занято – так трубка плохо лежала. Позвонили Оля – узнать, будет ли Алиса на редколлегии, потом та самая знакомая из «Карнавала», с помощью которой они ловко подставили Олю – пришлось изображать дружбу, сплетничать, обсуждать какую-то ерунду, и только Алиса устроилась в подостывшей ванне, только расслабилась, теле-

фон затрезвонил вновь.

– А-а-а! – заорала она, проклиная все на свете – в том числе и подлый телефон, – и пожелала ему разлететься на части.

И вдруг раздался этот звук. Алиса похолодела – даже в теплой ванне, медленно встала, нацепила халат и осторожно открыла дверь. Бытовой газ? Ломают дверь? Птица ударилась о стекло?

Что?

На первый взгляд все было в порядке, но рядом с кроватью Алиса наступила на что-то острое. Пластмасса. Черный кусок пластмассы. Она встала на четвереньки, собрала осколки и лишь спустя минуту поняла, что это был ее мобильный. Которому она пожелала взорваться.

«Может, после катастрофы у меня открылись телепатические способности?» – предположила Алиса. И расхохоталась, вообразив, как ее показывают в программе «Ты – очевидец» или в этой, на ТНТ, где ведущий, сделав страшные глаза, рассказывает, как в деревне Пьянчугино таинственным образом исчезли грабли...

К счастью, у нее есть вторая, рабочая трубка, которая валяется где-то – разрядилась неделю назад.

Но как он мог взорваться? Может, ее хотят убить?

Алиса нервно засмеялась.

Телефон ведь не газовая зажигалка – он не может лопнуть. Хотя с чего она решила, что мобильник взорвался? Навер-

ное, она небрежно положила его на стол, тот упал и разлетелся. Правда, сотовый уже раз двести падал на пол, и Алиса точно знала – удар о паркет с высоты одного метра ничего не значит. Но, может, это какое-то странное стечение обстоятельств?

Она должна была нервничать – но не нервничала. Из глубины сознания шел сигнал: «Все в порядке. Не волнуйся. Иди в ванную». И Алиса, наплевав на все эти галлюцинации и странности, вернулась в теплую воду, которая, надо сказать, получилась уж слишком ароматная и жирная от масел и прочей парфюмерии.

Она помылась, забралась под одеяло, открыла книгу, но уже на третьей странице поняла, что буквы расползаются, руки не держат, и еще минут пять боролась с собой, так как надо было набраться мужества, развернуться вправо и выключить настольную лампу. Натянув на нос одеяло, пристроив под голову подушку и уже почти во сне Алиса поняла, что забыла задернуть занавески, и в этом была большая ошибка, так как солнце встает с этой стороны дома – а значит, утром ей придется зашторивать окно, а потом долго ворочаться, так как была какая-то особенная подлость в том, что на рассвете Алиса просыпалась бодрой и не могла заснуть около часа. Алиса боролась с собой, но досада скоро уступила место ужасу. Самому настоящему ужасу, который выползает откуда-то изнутри и не заставляет сомневаться – еще чуть-чуть, и сердце не выдержит. Тяжелая бархатная штора – на-

следие царского режима, что держалась на медных кольцах, исполненных в виде змеи, проглотившей собственный хвост, двигалась по карнизу. Некоторое время Алиса тихо следила за шторой, но потом вскочила и с жутким воплем помчалась из комнаты. Искала мобильный – после вспомнила, что случилось – бросилась к домашнему, чуть не разрыдалась, осознав, что не помнит номер Димы, нашла записную книжку, позвонила и попросила его срочно приехать. Пока Дима выбирался с Ленинградского шоссе, включила везде свет – даже в туалете, отпила из бутылки неразбавленного виски, уставилась в телевизор и зачем-то поцеловала перстень. И заметила, что теперь он был красный – совсем красный, без прожилок. Что-то там внутри мерцало, но ведь чисто красных опалов не существует!

Тут, к счастью, явился Дима – недовольный, уставший, приготовил ей чаю, уложил спать, а утром Алиса проснулась уже одна – он рано, до пробок, уезжал на работу.

Почему в этом городе все так ненавидят пробки, она никогда не понимала. Во-первых, надо жить в центре – тогда везде близко. Во-вторых, в пробках можно слушать музыку, говорить по телефону, думать – столько дел, что уже и жалко, если пробка рассосалась. Какой смысл нервничать, если быстрее все равно не приедешь? Конечно, если ты такой умный, что живешь на Рублевке, а работаешь на Дмитровке, то, естественно, каждый раз – каждый день понемножечку сходишь с ума. Но спроси себя – кто в этом виноват?

Алиса приняла душ – растерла тело массажной щеткой, помылась гелем для душа с запахом кофе, намазалась легким кремом «бисквитное печенье», привела в порядок лицо и надела красный свитер, который не носила уже два года.

Стоя в трусах и свитере в гостиной, с чашкой кофе и сигаретой, Алиса неожиданно поняла, что ей хорошо, как никогда в жизни. Если раньше, как она ни старалась, радость бытия время от времени подавляли заботы, беспокойство, какая-то странная, противная и почти неуловимая тревога – нервное, убеждала ее психотерапевт, – то сегодня, несмотря на аварию, несмотря на вечер, полный галлюцинаций, ей хотелось горланить песни и танцевать – ее распирало, она радовалась – и сама не понимала чему!

Со вчерашнего вечера с ней происходили необъяснимые вещи – она пережила жуткую аварию так, словно это был визит к дантисту, спокойно воспринимала невероятные события – иначе галлюцинации, и была счастлива абсолютно без всякой причины...

В удивительном настроении Алиса натянула джинсы, влезла на каблуки, подхватила сумку, спустилась во двор и замерла от восторга – солнце, прохлада, осень, как здорово!

«Наверное, я сошла с ума!» – решила она и, совершенно счастливая оттого, что сходиться с ума так приятно, отправилась на поиски такси.

Выбравшись из тихого двора на шумный проспект, Алиса замерла – на нее обрушилась энергия, как ветер, как паля-

щее солнце, и она даже испугалась – на мгновение зажалась, но очень быстро научилась получать от этого радость – от того, что мощные потоки города сквозят через тебя, наполняя восхитительной силой, что от этого бегут мурашки, и ты ощущаешь себя, как серфингист на волне – когда стихия, которая может раздавить, несет тебя к солнцу, и ты летишь в соленых брызгах, а сзади – девятый вал, и ты не человек – ты Бог...

В невероятном настроении, почти пьяная от чувств, Алиса ворвалась в офис, где в гостиной, на диванчиках, уже сидели сотрудники редакции, заняла свое место и обозрела дислокацию врага.

Оля, Маша, еще парочка редакторов – приспешников Оли – жались рядышком. Остальные либо заняли места подальше от начальства, либо сели на то, что осталось – и пытались стать невидимыми.

Оля мрачно посмотрела на Алису и тут же шокировала всех известием о том, что следующий номер – декабрьский, новогодний, а значит, надо крепко задуматься о праздничных темах. Тут образовалась пауза, так как главный редактор ждала, что сотрудники бросятся предлагать одну тему за другой, но сотрудники прекрасно усвоили – не высовывайся, пока не обратились лично к тебе, не спросили: «А что ты, Лена Иванова, придумала для того, чтобы в декабре наш журнал смели с прилавков?»

Оля не стала терзать сотрудников – палачом тут счита-

лась Алиса, и принялась излагать, каким она видит рождественский номер. Что носить в год Свиньи. Новогодний стол. Праздник в клубе. Праздник в другой стране. Одним словом, все то, о чем из года в год пишут все журналы – будто месяц назад рухнула цивилизация и все началось заново.

Алиса все никак не могла понять, как Оля работает в модном журнале и избегает всего, что ей предлагают даром – показы мод, выставки, шикарные праздники на деньги «Мартини» или «Баккарди», кинопремьеры... Она ничего не видела – целый день сидела в офисе, дома или на даче у родителей! Ей никто не рассказывал новые анекдоты, не делился восхитительными, на грани разумного, приключениями, не сообщал о новых тенденциях моды... Она сидела где-то там, у себя дома, трепалась с подружками по телефону, смотрела телик и считала, что таким образом здорово проводит время, но, главное, им всем она пыталась навязать эту серость, эти будни, полные одинаковых, скучных повседневных занятий, это вопиющее мещанство, при мысли о котором у Алисы начинался нервный тик...

Алиса чувствовала, что радость сменяется ненавистью – настолько сильной, что горят щеки, сжимаются зубы и на лбу дергается вена. Конечно, Олю она презирала – и ей даже не раз хотелось наброситься на нее с кулаками, устроить истерику, накричать, но она себя контролировала – да и все эти желания никогда не доводили ее до иступления, но сейчас она просто с ума сходила и не понимала, что с этим делать.

«Давай, покажи, какая ты дура, не стесняйся...» – шипел внутренний голос, которому Алиса робко предлагала заткнуться.

– А про секс мы что-нибудь будем писать вообще? – прогундосила Вера, редактор.

Вера всегда очень нравилась Алисе – она была умная, толковая, не терпела ханжества и пошлости и еще – отлично писала, хотя в должности редактора делала это не так часто, как хотелось бы.

– Про секс? – Оля выпучила глаза. – Ты с ума сошла? Новый год – семейный праздник, а ты собралась писать про секс? Еще один материал об оргазмах? Или об оральном сексе? Ты понимаешь, что говоришь?

Оля никогда не была ханжой – Алиса предполагала, что с сексом у нее все в порядке, но эта тема всегда ее корбила – может, сказывалось влияние папаши-политика, может, мамыши, несостоявшейся актриски, которая научилась одному – роскошно падать в обморок, преимущественно от «грубых» слов, которыми считались «сиськи», «секс» и «презерватив». Оля с трудом терпела откровенные материалы об отношениях и собственно сексе, которые так любила Алиса, но никогда ничего не говорила прямо, потому что глупо было работать в журнале для продвинутых современных женщин и делать вид, что о сексе говорить неприлично.

Гостиную наполнила тишина. Алиса даже почувствовала, как от этой тишины становится тесно – не вздохнуть. Все

смотрели на Олю затаив дыхание – потому как не знали, что делать. Даже Маша с некоторым изумлением косилась на подругу.

– Что?! – вспыхнула Оля. – Все пишут про секс, куда ни посмотри – один секс, может, нам стоит немного отличаться от других?

– Но мы ведь продвинутый женский журнал, – напомнила самая смелая – Вера. – Оль, ты что?

«Давай, иди к генеральному и расскажи ему свою концепцию – может, тебя отправят отдохнуть... на пару лет», – мстительно подумала Алиса.

– Знаете, мне все это надоело, – Оля поднялась с дивана. – Я иду к Бек.

Она встала, вышла и удалилась по коридору в сторону кабинета генеральной директрисы.

С полминуты все молчали.

– Маш, – спросила Вера. – А ты не в курсе, Оля не увлекается... ну, там... стимуляторами? Или еще чем-нибудь таким?..

Маша пожала плечами.

И тут все заговорили одновременно.

Только Алиса молчала – она пребывала в глубочайшей задумчивости и все никак не могла пережить, что ее мысли сбываются. Она возвращалась к паранормальным явлениям, в которых не разбиралась, и никак не могла прийти в себя, убеждаясь окончательно в том, что у нее съехала крыша. И

у Оли съехала крыша. У всех сейчас потечет крыша, и начнется массовая оргия.

– Знаете, у меня что-то голова болит, так что я лучше поеду, – заявила она. – Мне к врачу надо на повторный анализ.

Никто не обратил на нее особого внимания, так что Алиса поднялась с дивана, взяла сумку и тихо прошмыгнула мимо секретарей, но у самого лифта ее отловила Елена Бек – генеральный директор, бывший главный редактор, зажала в углу и потребовала отчета о том, что случилось с Олей на редколлегии.

– Ничего не случилось! – клялась Алиса. – Не знаю, может, это переутомление, нервный срыв, ничто не предвещало беды... – бубнила она, а сама думала: «Да уволь ты ее!»

– Ладно, – отмахнулась, наконец, Бек. – Ты к врачу? – уточнила она.

– К врачу, – подтвердила Алиса.

Алиса выбралась, наконец, из офиса, позвонила в салон, удачно попала на окно у массажистки, рванула на Тверскую, но только устроилась на столе, как зазвонил телефон.

– Я отвечаю, – сказала Алиса.

Массажистка протянула ей трубку, и Алиса слышала Веру, которая говорила так, словно заболела тяжелойшей ангиной:

– Алиса, прямой эфир из сортира, сенсационная новость! – прохрипела она. – Сижу в глухой обороне, пока все остальные по очереди сходят с ума. Олю уволили!

– Что?! – неприлично взвизгнула Алиса.

– Что слышала. Это правда. Я не обожралась ЛСД, и меня не купили враги, – поклялась Вера. – Бек уволила Мысину. Бля буду.

– Вот это да... – протянула Алиса. – Вера, за отвагу и преданность представляю тебя к награде. Кстати, раз уж у вас там атмосфера всеобщего безумия, может, и меня уволили?

– Неа. Не дрейфь. Все, идут, пока, – и она отсоединилась.

Алиса присвистнула, отключила телефон и обратилась к массажистке:

– Ань, сделай мне так, чтобы я час ни о чем и думать не могла, ладно?

На обратном пути Алиса купила «Крошку-картошку», вернулась в офис и быстро все расставила по местам. Всем, кто еще не наговорился, – вернуться к работе, редколлегия завтра, ничего не изменилось (вранье!). После ее вызвала Бек и лично сообщила о том, что она, Алиса, пока что единственный главред, Оля уехала, а она, Бек, очень даже этому рада, потому что журнал все равно держится на Алисе.

Оставшееся время Алиса провела, как в тумане, но умудрилась зарубить два материала на будущий номер, поскандальить с дизайнерами, которые отказывались менять текущий макет – не было у них, видите ли, времени, пообещала вырвать руки художнику за иллюстрации к рассказам и одобрила несколько заявок на материалы.

Чуть позже обыкновенного, около восьми, она вышла из

редакции, поймала машину и поехала к Файке, с которой договорилась торжественно отметить долгожданное событие – избавление от Оли.

«Бывает же в жизни столько счастья!» – думала Алиса, и даже странности вчерашнего вечера ее почти уже не беспокоили. Ведь случается же так – мечтает о чем-то человек, а его фантазии сбываются? Иначе зачем жить? Просто сегодня все линии пересеклись. Все просто.

Запел телефон.

На табло было чисто. Никакого «номер засекречен» – ничего.

– Да! – строго ответила Алиса.

– Алиса Трейман? – уточнил неприятный женский голос. Неприятный – потому что слишком уж уверенный, сексапильный такой, с хрипотцой, манерный.

Возможно, звонит безумная жена какого-нибудь провинциального супермагната, которая жаждет за много-много денег появиться в журнале. И такое бывает. У Алисы даже на сей случай имелась заготовка – номера составлены и подписаны на полгода вперед, если вы готовы ждать – перезвоните через месяц, поговорим...

– Алиса, я знакомая Лианы, вашей бабушки, мне нужно с вами встретиться, – сообщила неизвестная собеседница.

– Ну... – задумалась Алиса.

Такое уже бывало. Родственники, друзья, приятели, соседи... Одни хотели – и имели полное право – остановиться у

нее в Москве на недельку. Другие – обычно чьи-то племянники или двоюродные внуки, намеревались пожить пару месяцев – пока не найдут работу. Некоторые интересовались завещанием. Десятые и вовсе походили на воришек. После нескольких неприятных визитов в квартиру Алиса никого, кого лично не знала, не приглашала.

– Вы где находитесь? – спросила Алиса.

– Давайте встретимся в Елизаветинском садике на Олимпийском проспекте, – предложила женщина.

Странное место... Ладно, тут рядом.

– Только прямо сейчас, я неподалеку, и у меня мало времени, – сухо произнесла Алиса.

– Отлично, – согласилась та.

– Как я вас узнаю?

– Я сама вас узнаю, – пообещала нахалка, и в трубке раздались длинные гудки.

– Стерва! – возмутилась Алиса. – На Олимпийский поедem, – сообщила она водителю.

Глава 6

Ее не очень удивило место встречи – вдруг знакомая бедная или плохо знает Москву... Хотя если она плохо знает Москву, то откуда пронюхала о садике на Олимпийском проспекте? Бедные провинциальные знакомые обыкновенно назначают встречи у памятника Пушкину или рядом со станцией метро... Но странности и непонятности всегда волновали Алису – и чем более подозрительными казались обстоятельства, тем с большим интересом она приближалась к месту встречи. Уж в чем в чем, но в отсутствии любопытства ее трудно было упрекнуть.

Алиса не стала отпускать такси – на Олимпийском отчего-то невероятно сложно поймать машину, прошла в сад и устроилась на лавочке у пруда. Наверное, эта сумасшедшая отзвонится на мобильный. Где-то в глубине сквера гуляли мамы с детьми, напротив, с той стороны пруда, отдыхали пенсионерки, но поблизости никого не было. Алиса достала мобильный телефон и нашла принятые вызовы, но ничего нового не узнала – телефонного номера незнакомки не было. И тут она почувствовала, что не одна. Обернулась и уставилась на женщину (громадных, нечеловеческих усилий стоило не отпрыгнуть, не закричать), которая, непонятно как, очутилась на той же скамейке, что и Алиса.

Очень красивая брюнетка с длинными прямыми волоса-

ми. Волосы не черные, но темно-коричневые – как горький шоколад. Продолговатое лицо, нежная светлая кожа, прямой нос, большие карие глаза и пухлые губы. Просто Моника Беллуччи. Моника была одета в шелковый черный плащ с воротником-стойкой, в ботильоны с открытой пяткой и прямые черные брюки. Модница.

– Здравствуйте, Алиса, – произнесла Моника. – Меня зовут Римма.

Римма полезла в огромную кожаную сумку, достала сигареты и небрежно прикурила от платиновой зажигалки (почему Алиса решила, что платиновой – непонятно, но она была уверена, что зажигалка не серебряная), на которой крупными бриллиантами были выложены инициалы «Р» и «Д». Слишком крупными для зажигалки бриллиантами. Правда, других украшений Римма не носила.

– Добрый вечер, – ответила Алиса.

– Нам предстоит трудный разговор, – сообщила новая знакомая.

Алиса молчала.

– О вашей бабушке, о вас и о том, что случилось с вами вчера, – продолжала Римма.

Алиса кивнула.

– Вы же мало знаете о своей бабушке? – поинтересовалась Римма и все-таки не выдержала – уставилась на перстень.

Алиса поняла, что та именно не выдержала, потому что взгляд был жадный и Римма словно рассердилась на себя за

то, что привлекла ее внимание. А перстень в очередной раз удивил Алису – на этот раз он был фиолетовым, а внутри словно горел костер – мерцали красные, желтые и оранжевые языки.

– Сложный вопрос, – ответила Алиса, которая не хотела ничего рассказывать незнакомке. Та ее вызвала на встречу – пусть сама и говорит.

Римма задумалась.

– Мне предстоит рассказать тебе непростую историю, – сообщила она, резко переходя на «ты». – И я не уверена, что ты мне поверишь.

– Ты – моя сестра, которую похитили из роддома? – поинтересовалась Алиса.

– Что? – Римма уставилась на нее. – Ах, нет... Ты замечаешь в Лиане что-нибудь странное?

– Слушай, все мы немного странные, в том числе и Лиана, – отрезала Алиса, которая уверилась, что Римма – хитрая аферистка, затеявшая недоброе.

Тем более что рядом с ней Алиса впала в гипнотическое состояние – у Риммы был какой-то странный энергетический фон: подле нее клонило в сон и хотелось со всем соглашаться.

– Послушай, что я тебе скажу... – Римма взяла ее за руку, но вредная Алиса руку отобрала и потянулась за сигаретами. У нее в сумке лежала бутылка виски, украденная из редакции, и Алису неудержимо тянуло выпить, но она решила не

показывать Римме свою слабость. Потому что проглотить ей хотелось для храбрости – а из этого следует, что она трусит.

– Ты ведь заметила, что со вчерашнего вечера с тобой происходят... необычные вещи? – произнесла Римма.

Алиса демонстративно отодвинулась подальше.

– И что? – буркнула она.

– Дай руку, – и нахалка протянула ладонь к той руке, на которой был перстень.

И тут Алису озарило. Перстень – старинный! Стоит кучу денег! Эта гадина хочет его отнять!

– Зачем? – нахмурилась она.

Римма посмотрела на нее, вздохнула, вынула из сумочки зажигалку и протянула Алисе.

– Возьми в залог, – сказала она с легким, почти неуловимым, но все же презрением.

Презрение Алису разозлило. Она приняла зажигалку, спрятала в карман и протянула Римме руку, сжатую в кулак. Римма поднесла ее ко рту и подула на камень. И тут...

На какое-то время перстень стал черным, но сразу же преобразился в бледно-сиреневый: искры, мерцавшие внутри опала, от легкого дуновения взметнулись и оказались снаружи – серебристыми блестками они кружились над перстнем – всего пару секунд, а потом вдруг вспыхнули и змейкой вернулись в опал. Камень стал красным.

Пока Алиса, открыв рот, смотрела на Римму, та снова закурила, воспользовавшись одноразовой зажигалкой, кото-

рую выкинула в помойку, усмехнулась и сказала:

– Твоя бабушка была ведьмой.

– Кем?! – громче, чем нужно, воскликнула Алиса.

– Подуй на перстень, – предложила Римма.

Алиса дернула плечами, поднесла к носу ладонь, подумала и легонько подула. Пару секунд ничего не происходило. И вдруг камень налился розовым – словно с обратной стороны на него посветили фонариком, розовый стал малиновым, а потом опал сделался молочным, с голубым оттенком – и искры заиграли золотом. Они закрутились и отрывались от поверхности – их было так много, что хотелось разгонять искры руками, а они все кружили и кружили – вокруг Алисы.

– Ну, все, все... – прошептала она.

И все исчезло. Но камень остался бледно-голубым.

– Так он реагирует на настоящего владельца, – сообщила Римма.

Некоторое время Алиса боролась с ощущением, что сейчас упадет в обморок, но в конце концов пришла в себя – правда, пришлось каждую секунду мысленно повторять: «Все нормально, я здорова».

– Кто ты такая? – поинтересовалась она у Риммы.

Та задумалась.

– Ну, скажем, я улаживаю деликатные вопросы.

– А что я могу делать с этим кольцом? – воодушевилась Алиса.

– Желания оно не исполняет, – хмыкнула Римма. – Это

что-то вроде талисмана. Его специально заговаривали – многие поколения женщин из твоей семьи вкладывали в него часть своей души, и теперь в нем есть определенная сила, которая тебе помогает.

– Как помогает?

– Это ты должна понять сама. Но учти – кольцо очень древнее, сильное и капризное. Ты должна обращаться с ним уважительно и соблюдать традиции.

– Что за традиции?

– В этом-то все и дело, – Римма развела руками и предложила: – Давай выпьем?

Алиса, которая так до конца и не поняла, кто из них сошел с ума, поставила на колени сумку, открыла бутылку и протянула Римме.

– Твоя бабушка поступила неразумно, – призналась Римма, возвращая коньяк Алисе. – Лиана очень расстроилась, узнав, что она – ведьма, и всю жизнь пыталась сделать так, чтобы ей не пришлось обнаружить свои способности. После смерти твоего деда она была вынуждена использовать свой дар – чтобы выжить, но она ничего не рассказала тебе.

– Но почему?! – возмутилась Алиса.

– Лиана боялась этого. Считала, что быть ведьмой – плохо.

– Кстати, а какие у... нас возможности? – любопыствовала Алиса.

Римма покосилась на нее и улыбнулась:

– Безграничные.

– А Лиля?.. – осенило Алису.

Римма кивнула, соглашаясь.

– Лиля – ведьма.

– А где она сейчас?

Римма развела руками.

– Понятия не имею.

– Но почему она мне ничего не сказала?! – вскипела Алиса.

– Потому что Лиана сама должна была позаботиться о наследнице. Ты же понимаешь: она ненавидела тебя только потому, что ты – девочка?

Алиса подняла брови.

– Дар есть у всей семьи, – пояснила Римма. – Но чтобы стать ведьмой, надо все-таки быть женщиной. В вашей семье мужчины особенные, но дар у них проявляется по-другому – они талантливы, успешны в работе, прозорливы, могут просчитать ситуацию... Но основные магические способности передаются по женской линии. Ты ведь понимаешь, отчего погиб твой отец?

Алиса помотала головой.

– Лиана ненавидела себя. Ненавидела ведьму в себе. Конечно, ее испортила мать – твоя прабабка, которая, вместо того чтобы воспитать в ней настоящую ведьму, сюсюкала с ней до совершеннолетия, кормила с ложечки, растила эдакий цветочек... Твоя бабка проклинала своего сына за то, что он женился на твоей матери, и знала, что нельзя этого делать,

что проклятие ведьмы сбывается, но она была слишком эгоистичной – и вот чего добилась.

– Она убила моего отца? – Алиса похолодела.

– Не совсем. Но косвенно повлияла на то, что события сложились именно так. Извини, но Лиана была непроходимой, самовлюбленной душой. После его смерти она возненавидела все, что связано с даром, и поклялась не говорить тебе ни слова.

Они еще выпили и помолчали.

– Но почему... – Алиса запнулась. – Почему я раньше не чувствовала?.. Почему раньше ничего не было?

– Было, – не согласилась Римма. – У тебя все получается, ты успешная, можешь окрутить любого мужчину. Ты разве не ощущала, что особенная?

– А кто так о себе не думает? – ухмыльнулась Алиса.

– Твои способности не развивали. Ты даже не подозревала, что они у тебя есть.

– Но... – перебила ее Алиса.

– Ты хочешь спросить, почему сегодня и вчера?..

Алиса кивнула.

– Ты была на грани жизни и смерти. Не хочу тебя травмировать, но отношение Лианы к магии и тут сыграло свою роль. Не суди ее – она очень старалась не причинить тебе вред, не хотела тебя видеть, но все-таки испытывала вину перед сыном. Она все завещала тебе, рассчитывая исправить ошибку, но она же ведьма – и ты улетела в кювет. Сработа-

ло проклятие. К счастью, в открытую она не желала тебе зла – проклятие вышло слабеньким, хотя, не будь ты ведьмой, тебя бы собирали по частям. В стрессовой ситуации проявились твои способности – ты жива и разговариваешь со мной.

Алиса, хоть и находилась в полнейшей прострации, все же заметила некоторое напряжение, что возникло, пока Римма произносила последнее предложение. Внешне невозможно было бы и догадаться – но сейчас Алиса слишком остро все чувствовала, улавливала малейшие нюансы и поняла: Римма что-то недоговаривает. Она ждала объяснений, но они не последовали.

– Сегодня у тебя обострились способности – произошел слишком мощный выплеск энергии, но, поверь, тебе далеко до настоящего колдовства. Завтра же твои чары развеются, все вернется на круги своя. Это была не совсем магия, а что-то вроде сильнейшего гипноза.

– То есть не имеет смысла пить за увольнение Оли? – догадалась Алиса.

Римма развела руками.

Алиса молчала долго – минут десять.

– Как мне тебе поверить? – спросила она наконец.

Римма повернулась к ней спиной, положила руки на лицо и что-то забормотала. Когда она обернулась, Алиса чуть не упала с лавки – отшатнулась и едва не слетела на землю: вместо яркой брюнетки рядом с ней сидела блеклая дамочка с серенькими волосами, стянутыми в хвостик, с родинкой на

носу и с узкими бесцветными губами.

– О... – простонала Алиса. – Черт побери...

Ей показалось, что Римма вздрогнула, но она не придавала этому значения. Она была в трансе. Римма отвернулась, шептала и снова приняла первоначальный облик.

– Вот это да! Надо же!.. Как такое возможно? – охала Алиса. – Я тоже так могу?

Римма рассмеялась.

– Нет! – ответила она. – Чтобы произвести грамотную мистификацию, требуются десятки лет тренировок. Далеко не каждая ведьма на это способна.

– Круто! – восхитилась Алиса. – А... Это ваш настоящий вид?..

– Да, – кивнула Римма. – Даже я не могу продержаться в чужом облике больше полутора часов. Это очень мощное колдовство – без специальных зелий трудно обойтись.

И тут Алиса поплыла. Магия. Колдовство. Зелья. Ее бабка – ведьма. Рядом с ней – ведьма. Она сама – ведьма. Очнулась она, почувствовав, что Римма бьет ее по щекам и брызгает на нее термальной водой.

– Бывает-бывает, – успокаивала Римма Алису. – Ладно, на сегодня хватит.

И правда – уже совсем стемнело, пенсионерки разошлись, мамаш с колясками сменили подростки, и даже шум с дороги сделался тише.

– А может, поедem ко мне? – с робкой надеждой предло-

жила Алиса.

– Извини, но тебе на сегодня действительно хватит, – улыбнулась Римма. – Пока. Я позвоню.

Она встала, пошла по дорожке в противоположную от главного входа сторону – и то ли Алисе померещилось, то ли ведьма растаяла, как тень, в темноте и тумане, поднявшемся от воды?

Почти ничего не замечая вокруг себя, Алиса вышла из парка, обругала таксиста, который все-таки смылся, подлец, позвонила Фае с извинениями и пешком отправилась домой.

Так. Имеет ли смысл отказываться от предположения, что она лежит на больничной кровати, все еще под воздействием наркоза и бредит? Может, она не выжила в автокатастрофе?

Лучше все-таки отказаться, потому что тогда уж совсем все невероятно.

Хорошо. С ней происходит нечто странное, но, возможно, версия «Твоя бабушка – ведьма» – та еще чушь. В любом случае, даже если предположить, что ее окружают странные люди, которые решили убедить ее в присутствии сверхъестественного, все это очень и очень подозрительно.

Ухнуло в животе.

А если она и правда ведьма? Это реально?

Ну... Вся наша жизнь выстроена на шатком фундаменте: с одной стороны, мы верим в бога, молимся, просим его о всяких вещах, обращаемся за поддержкой, защитой, но при любой возможности так яростно отрицаем все непонятное,

так усердно обличаем людей, поверивших в чудо... Это как шпильки – красиво, но неудобно. И без них не хочется, и с ними – не вмоготу.

Алиса остановилась и посмотрела на кольцо. Оно стало почти белым, словно в воде размешали молоко, и лишь в глубине слабо светилось розовым.

Затянутое серыми тучами небо вдруг разразилось дождем. Не то чтобы ливнем, но гаденьким таким, частым дождиком – если быстро добежать до остановки, вряд ли промокнешь, но вот прогулка грозит насквозь мокрой одеждой.

Алиса приняла единственно верное решение: промокнуть и быстро поймать машину, чтобы не простудиться. Она подставила разгоряченное от событий и быстрой ходьбы лицо каплям воды, раскинула руки, повернула их ладонями вверх, остановилась посреди улицы и закрыла глаза.

– Мать твою! – услышала она откуда-то спереди.

Приоткрыв один глаз, заметила, как от нее шарахнулась какая-то тетка в плаще. Осмотрела себя и расхохоталась: капли дождя, не долетая до ладоней, поднимались вверх!

О, боже мой! Боже мой...

Странное чувство всемогущества, избранности, с которым она жила всю жизнь, – это все правда! Она – особенная, она выше всех, она – ведьма! Алиса закружилась по улице, под дождем, редкие прохожие, вприпрыжку мчавшиеся к подъездам и автобусным остановкам, только что пальцем у виска не крутили, но как же ее не волновали эти людишки,

обыватели, растения – она была вне системы, за границей их понимания!..

О-о-о... Значит, все правда! Она лучше, она выше всех этих существ, которые чувствуют лишь боль, голод и холод, в то время как она замечает малейшие их переживания, так остро, что иногда кажется – порежется, ощущает их ауру, их грязные и светлые мысли, их убожество, их ничтожные благие порывы!

Алиса всегда понимала, что для нее открыт странный мир настроений, мир, в котором заурядный обыватель, средне-статистический скептик, ничегошеньки не понимает, потому что ему страшно увидеть глубину – собственную глубину, страшно заглянуть в этот космос, который мы называем душой, страшно прикоснуться ко всему, что больше и глубже потребностей физиологии, потому что высота доступна не всем. В человеческом мире за высоту даже требуют денег – за пентхаусы, за горные вершины – человек, ощутивший внутри себя искру, лезет, карабкается, преодолевая ужас, выглядывает из иллюминатора самолета, но не знает, жалкое существо, что можно воспарить – взлететь над собственным страхом, и тогда ты не животное, тогда ты «по образу его и подобию»...

Алиса остановилась – а в голове еще все кружилось – и зашаталась, отчего расхохоталась еще громче, и это был смех не простой женщины, добившейся успеха в жизни, это был хохот ведьмы, который почувствовали заскулившая собака,

и кошка, поджавшая хвост, и даже ворона испуганно каркнула и побежала прочь, ленивая тварь.

Глава 7

Алиса шлепнулась в кресло, включила компьютер и установилась на Веру, которая зашла без стука.

– Хорошо выглядишь, – сообщила она Алисе. – Но я что... Короче, Бек вернула Олю.

Алиса глубоко вдохнула.

– Черт! – выругалась она.

Вера присела.

– Буквально час назад, – добавила она. – Может, отравить ее?

– Ей что, Милош устроил головомойку? – поинтересовалась Алиса.

Милош, американец польского происхождения, владел издательским домом.

– Типа нет, – Вера покачала головой. – Она сама. Милош ведь в Австрии. Но точно я не знаю.

– Твою мать, твою мать, твою мать!.. – взвыла Алиса. – Опять двадцать пять!

– Блин, она, конечно, заколебала со страшной силой, – согласилась Вера. – Тебе, кстати, не кажется, что она меня выживает? Эта ее речь о вреде секса вчера...

– Выживает, – кивнула Алиса. – Но ты понимаешь... А чем ее можно отравить?

– Ядом? – предположила Вера.

– Гм... – буркнула Алиса. – Какая боль...

– Алиса, я тебе сейчас скажу одну очень важную вещь, но ты только на меня не ори, – было заметно, что Вера собралась с духом ради этого разговора. – Я, наверное, через два-три месяца уволюсь.

– Что-о? – Алиса сложила руки на груди. – Ты вот так легко сдашься?

– Типа того, – кивнула Вера. – Понимаешь, не то чтобы я сдалась, но просто мне предложили работу, где не надо будет выцарапывать каждое свое слово ногтями.

– Я скажу Оле, чтобы она выписала тебе премию за вклад в обезличивание журнала, – отрезала Алиса. – Вера, я тебя понимаю, но как же так?! Ты на чьей стороне?

– Алиса, я на твоей стороне, и ты это знаешь, просто не надо забывать, сколько получаешь ты и сколько получаю я! К тому же вы с Олей на равных, а для меня она – босс, и если ты можешь послать ее к черту, то я могу лишь прийти к тебе и пожаловаться! Нет, я не говорю, что обстановка невыносимая, но мне по необъяснимой причине хочется, чтобы меня ценили за мои достоинства, а не за то, как я умею лавировать и прогибаться!

– Сука! Это я не тебе! – успокоила Алиса разбушевавшуюся Веру. – Слушай, давай я дам тебе немного свободы – ты чуть меньше пишешь сюда и чуть больше в этот твой другой журнал...

– Это газета, – поправила ее Вера.

– Хорошо, – кивнула Алиса. – Но ты за это не сидишь на чемоданах, а обещаешь дать мне время. Я что-нибудь придумаю.

– Ладно. Я не то чтобы жажду свалить отсюда, но эта жирная интриганка меня достала.

– Вот и славно, – улыбнулась Алиса. – Все, вали отсюда.

– В общем, я пока посмотрю в Интернете, где можно найти отраву, не оставляющую следов, – пообещала Вера.

– Успеха!

Только она ушла, Алиса услышала визги, крики и топот – вернулась Мысина. Оля помахала ей рукой, на что Алиса оскалила зубы – старалась сделать рожу пострашнее.

И тут она вспомнила слова Риммы:

... «выплеск энергии»...

... «чары развеются»...

... «не совсем магия, а что-то вроде сильнеешего гипноза»...

Как же обидно!

И что теперь делать? Она же ведьма! Она должна знать, потому что...

Та-ак... У ведьм есть колдовские книги, зелья, ну... и все такое. Интересно, где все это берут?

Алиса уставилась на монитор. Интернет? А что?

Набрала слово «магия». Интернет думал. Ну, а потом выкинул обычную страницу – поиск в «Яндексе»: практическая магия, ясновидящая Зара, отворот-приворот... И тут она по-

няля!

Между строк, между всеми этими зарами-шмарами, там, где обычно белое поле, стали проступать буквы! Мелким шрифтом, черным по белому.

Вот-вот-вот!.. Книги в рукописях, XII–XXI века, дневники Мерлина, медная, серебряная, бронзовая посуда, хотите провести вечер с духом Монро, Клеопатры, Джимми Моррисона? Зелья и настойки от Ирэны Брюнер...

И Алиса поняла, что такое экстаз. Какая-то Оля показала ей козявкой, комаром, которого прихлопываешь инстинктивно, не замечая!..

Она ведьма, она...

Алиса была опытным журналистом – на раз отличала дешевое бахвальство от серьезных предложений, поэтому в итоге остановилась на магазине с неприятным названием «Чародейка», что на Китай-городе.

Так-так-так! Работать, само собой, не хотелось, и раз уж Оля проводит здесь последние деньки – ха-ха! – то пусть вкалывает.

– Алло! – закричала Алиса в трубку.

На улице было шумно, и, как всегда, чтобы поймать такси, нужно было пройти метров сто – до Тверской.

– Привет, ну, куда ты пропала?

Дима.

– Спасибо, мне сделали трепанацию черепа, поставили аппарат Илизарова, и я беременна! – вспыхнула она, вспомнив,

что Дима не звонил пару дней.

– Ой, ты серьезно? – сник Дима.

– Дим, а ты?

– Прости, я был очень занят, у меня тут сделка с Украиной – полный абзац! Ты же представляешь обстановку.

– Я представляю лишь то, что твоя девушка попала в аварию, а ты не нашел время позвонить и узнать, как там я. Единственное, что может сгладить твою вину, – черный, как моя душа, «Шевроле Корвет».

– Ну... Алиса, я бы хотел тебя увидеть, – пробормотал Дима. – У меня для тебя сюрприз.

– Вот как? Классно! Часов в восемь?

– А давай прямо сейчас пообедаем, – настаивал он.

– Слушай... – замялась Алиса.

Чувства ее были противоречивыми. Больше всего ей хотелось побыстрее очутиться на Китай-городе, но была определенная прелесть в том, чтобы оттянуть момент – в ожидании есть свое очарование. К тому же Дима произнес ключевое слово «сюрприз» – вдруг это ключи от заветного «Шевроле»? Вдруг Дима эти два дня искал машину, покупал...

– Давай в «Жан-Жак» минут через двадцать? – предложила Алиса.

Спустя четверть часа она уже заказывала салат, свежий сок и суп.

Были у нее подружки, которые с ума сходили от пророщенной пшеницы, всяких там злаков и компота из крапивы,

но Алиса никогда не понимала смысла всех этих жутких диет. Человек столько тысяч лет придумывал, как сделать еду вкусной, и теперь, ради того, чтобы уменьшить объем задницы на пару сантиметров, следует вернуться в те времена, когда бедные, несчастные дикари ели сырую еду с куста и жутко страдали от того, какой мерзостью приходится набивать желудок? Вспомните, как выглядели эти люди – все в шерсти, страшные, кривые... «Я, блин, на фиолетовой диете!» – вспомнила она высказывания звезд, которые, наверное, просто двинулись по фазе.

– Привет, – улыбнулся Дима, который, кстати, очень любил диетологов и ел по системе Волкова.

То нельзя, это нельзя, самый быстрый обмен веществ до полудня... После шести не есть... А как не есть после шести, если она ложится в четыре ночи?

Алиса почему-то вспомнила, как они с Димой первый раз занимались любовью. В гостиничном люксе, который он снял ради такого дела.

Это было приятно – для тебя оплачивают шикарный номер, с огромной ванной, всюду цветы, шампанское, икра, фрукты, шоколад... Правда, Алиса рассчитывала, что они устроят рок-н-ролл, но, к сожалению, в лучшем случае получился эстрадный джаз. Красиво, пристойно и очень буржуазно.

Секс, если честно, был отличный – особенно если не забывать, что Дима за ней неделю ухаживал, и Алиса уже вся

извелась, но, когда она открыла глаза и спросила: «Ну, что, давайте знакомиться?» (и это была шутка!), он ее не понял, потому что на этом месте должны были быть комплименты типа «О, боже, ты такой нежный»... Ну, да ладно.

– Алиса, – заявил Дима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.